

Елена
Михайлова

Пайна
замка
Рержи

Елена Михалкова
Тайна замка Вержи

«АСТ»

2014

Михалкова Е. И.

Тайна замка Вержи / Е. И. Михалкова — «АСТ», 2014

ISBN 978-5-17-083255-2

Мир Птички-Николь населен ведьмами и привидениями, цвергами и феями. Но реальная жизнь оказывается страшнее самой жуткой сказки. Во все времена преступления совершают не призраки, а люди. И раскрыть преступление может только человек, который твердо верит в разум и не позволяет фантазиям сбить его с толку. Окунитесь в прошлое, войдите в стены старинного замка и следуйте за лекарем Венсаном Бонне по лабиринту, полному загадок и тайн! Кто убивает в замке Вержи? Кого коснется проклятие колдуньи? И кто сорвет завесу тайн, душным покрывалом укутывающих стены замка? Читайте в средневековом детективе Елены Михалковой «Тайна замка Вержи».

ISBN 978-5-17-083255-2

© Михалкова Е. И., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	48
Глава 8	56
Глава 9	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Елена Михалкова

Тайна замка Вержи

© Михалкова Е., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

– Говори что хочешь, Матье, но когда ты попадешься ей, болтовня тебя не спасет. Знаешь, что она с тобой сделает?

Бернадетта обвела притихшую дворню угрожающим взглядом. В переполненной кухне воцарилось такое безмолвие, что стало слышно, как лезет из чана разбухшее тесто.

Старуха перехватила поудобнее нож, высунула язык – и вдруг с размаху чиркнула по кончику.

Все ахнули. Новая судомойка, пышнотелая девица с голубыми глазами навывкате, завизжала от ужаса. Даже Николь, видевшая эту проделку не первый раз, не удержалась от вскрика.

Лезвие рассекло воздух в полудюйме от кожи, а Бернадетта откинула голову и разразилась громогласным хохотом.

Отсмеявшись, она с размаху воткнула нож в щель между досок. Матье попятился, не сводя глаз с покачивающегося лезвия.

– Что, наложил в штаны? – прокаркала старуха. – Паршивый могильный крот!

– Я не...

– Молчать! Или забыл?

Подняв к закопченному потолку палец, Бернадетта торжественно провозгласила:

– Всякий, кто осмелится прийти на кладбище Левен, будет считаться осквернителем!

Юноша умоляюще посмотрел на Николь. Та едва заметно покачала головой: и не проси, ни за что не стану перечить рассерженной старухе. Во всей округе нет никого, равного Бернадетте в умении сквернословить. От ее ругани линяют куры, скисает молоко идохнут мыши!

Что касается мышей, то и пусть себедохнут. Но в руках у Николь был кувшин с горячим молоком.

Оцепенелое молчание нарушил голос судомойки:

– Кому он попадется, Бернадетта?

Старуха обернулась так резко, что сидевшие поблизости отпрянули.

– Что?

– Ты сказала, что Матье попадется кому-то, – пояснила девица, глупо улыбаясь. – Это какая-то сказка, да?

Единственный глаз Бернадетты яростно сверкнул.

– Безмозглая гусыня, тухлые харчи тебе в глотку! – загремела старуха. – Чтоб твой поганый язык копытом отдавило! Хочешь навлечь беду на всех нас?!

Николь метнулась к двери, каждый миг ожидая окрика. К счастью, взгляд старой карги был прикован к остолбеневшей от ужаса судомойке.

Девочка просочилась в щель и со всех ног бросилась прочь. Она промчалась по коридору, юркнула на лестницу, взлетела вверх, крепко прижимая к груди кувшин, свернула в галерею и лишь тогда замедлила шаг.

Никто не должен видеть ее носящейся по замку. Особенно теперь, когда все ждут важного гостя. Хороший слуга ходит чинно, говорит тихо, держится незаметно – так наставляла их Бернадетта каждое утро.

Сюда свирепые вопли старухи уже не доносились, лишь потрескивало масло в светильниках да вдалеке глухо лаяли собаки.

Николь перевела дух. Хвала Деве Марии, ей удалось улизнуть. Если бы одноглазая что-то заподозрила...

Из прохода справа потянуло стылостью. На стенах галереи чадили масляные плошки, отбрасывая дрожащие тени, но в узком коридоре плавала густая тьма.

Девочка поежилась. Быстрее бы миновать нехорошее место! Луна, пухлая, как щеки кухарки, уже повисла над главной башней замка. А если в начале лета под полной луной на тебя повеет холодом из-за угла, жди встречи с Симоном де Вержи. Говорят, если призрак протянет тебе свою отрубленную руку, будешь болеть и чахнуть, пока не померешь.

Мари рассказывала, что прошлым летом видела его своими глазами. Но Симон пощадил ее и не стал предлагать свой жуткий дар.

Правда, Мари известная врушка и к тому же страшна, как нетопырь. Если бы призрак убитого графа и впрямь попался на ее пути, еще неизвестно, кто из них обмер бы от ужаса.

Убеждая себя, что мертвый хозяин не бродит по замку в эту ночь, Николь ускорила шаг. Внезапно до ее слуха донеслось заунывное бормотание.

Девочка похолодела. Молясь, чтобы ей почудилось, она застыла на месте. Но сквозняк явственно донес до нее негромкий тоскливый голос.

Симон де Вержи! Возвращается в башню, где нашли его бездыханное тело!

Не помня себя от страха, Николь заметалась по галерее.

В стене через каждые двадцать шагов чернели провалы заложённых окон. Когда-то они предназначались для стрелков, но потом окна заложили, а поверх стены возвели крытую дозорную дорожку. В стене галереи остались только глубокие ниши.

В одну из них и скользнула Николь.

«Пресвятая Дева, спаси меня!»

До ее слуха донеслись шаги. Девочка перестала дышать и зажмурилась.

– Только не Валери. Пусть будет Озорник, – послышался резкий голос.

– Ваша милость, простите, но Озорник с норовом... – возразил тягучий унылый бас.

От облегчения Николь едва не выронила кувшин. Дядюшка! Его карканье она приняла за голос призрака.

Но радость девочки длилась недолго. Ей хватило нескольких слов, чтобы узнать его собеседника, и она еще сильнее вжалась в стену.

Кое-кто из слуг признавался шепотом, что согласился бы скорее вызвать гнев покойного Симона, чем его брата, здравствующего и поныне. Граф Гуго де Вержи, полновластный владелец замка и окрестных земель, славился крутым нравом. Они со старшим конюхом приближались к тому месту, где пряталась за выступом стены Николь. Если заметят ее, непременно решат, что подслушивала.

– С норовом, говоришь... – усмехнулся граф. – Ничего, нашему гостю это придется по душе.

Чеканные шаги отдавались грохотом в ушах Николь. Казалось, хозяин и слуга идут прямо на нее. Девочка прижала к себе кувшин с такой силой, словно он мог сделать ее невидимой.

Мимо ниши прошли два человека. Николь приоткрыла глаза и уткнулась взглядом в темно-зеленый камзол Гуго де Вержи. Гастон в своей серой рубахе двигался за ним, как тень.

– Приготовь испанские седла, – отрывисто распорядился Гуго, – и Птичку на замену. Если маркиз загонит Озорника, ему должны сразу подать новую лошадь.

– Будет исполнено, ваша милость.

«Птичку? – удивилась Николь. – Но ведь Птичка...»

Граф остановился так резко, что старший конюх сбился с шага. Девочка оцепенела.

У его милости нюх, как у волка. Неужели почувствовал, что кто-то смотрит ему в спину из темноты?

Несколько томительных мгновений Гуго де Вержи стоял неподвижно, будто прислушиваясь. Затем снова двинулся вперед, не говоря ни слова, и покорный его воле слуга последовал за ним.

Когда две фигуры исчезли в глубине коридора, Николь вытерла пот с похолодевшего лба и поспешила покинуть свое ненадежное укрытие.

Но из головы у нее не выходили слова графа.

Подать Птичку на замену Озорнику... Что за странный приказ!

Спору нет, Птичка на редкость красива – тонкая, хрупкая, редкой золотистой масти. Под солнцем она светится, точно капля меда. Дядюшка говорит, что быстрее этой кобылки не сыщешь на всем белом свете. «Несется так, словно пичужка удирает от ястреба», – сказал Гастон, когда первый раз сел на нее, и с тех пор лошадь не звали иначе как Птичка.

Но до чего же строптивым характером наделил ее Создатель! Выезжать на Птичке могли только старший конюх и сам Гуго де Вержи, превосходный наездник. Жермен, младший конюх графа, однажды решил приручить норовистую кобылу. Хитрая Птичка сперва встала на дыбы, а затем взбрыкнула задом, и несчастный Жермен вылетел из седла. Не увернись он, быть бы его костям размолоченными мощными копытами лошади.

Злобное животное кусало всех с таким ожесточением, что давно уже не находилось желающих приблизиться к ее стойлу.

Единственным человеком, безбоязненно подходившим к Птичке, была Николь. Она расчесывала и заплетала каштановую гриву, кормила кобылу с руки, и ни разу та не обидела ее.

Конюхи шутили, что лошадь чует в девчонке свою. Ведь Птичкой когда-то прозвали и саму Николь.

Николь пела. Ее негромкий нежный голосок можно было услышать с раннего утра. Под песенки маленькой служанки замок просыпался, под них же и засыпал.

– Ветер согнет траву, разметает стога, – пропела Николь, подбегая к двери, – спутает волосы крошке Мари...

Дверь распахнулась, не успела она постучать.

– Где тебя носит? – злым шепотом воскликнула нянька.

Николь торопливо протянула кувшин с молоком.

– Вот! Немного остыло, пока я шла...

Коринна выхватила кувшин.

– Заходи, да побыстрее!

Глава 2

Из комнаты на Николь дохнуло теплом: по углам были расставлены железные чаны с горячими углями. Красные точки мерцали сквозь решетку. В камине догорал огонь, языки пламени юркими ящерницами шныряли по обугленным поленьям.

– Стой здесь! – приказала нянька. – Не вздумай удрать!

– Я и не думала, – пробормотала под нос Николь, изрядно погрешив против истины. Дай ей волю, она была бы уже далеко.

Забыв про Птичку и странное распоряжение Гуго де Вержи, девочка исподлобья наблюдала за нянькой.

Все считают Коринну милой и жалеют ее: овдовела рано, а детей бог не дал. Нянюшка пышна, как свежая булочка, и когда идет, перебирает своими толстенькими короткими ножками мелко-мелко, будто катится.

Другая такая вдовица давно бы вышла замуж. Только не Коринна.

Сама нянюшка отшучивается старой пословицей: кто женится – поступает хорошо, а кто не женится – поступает еще лучше. Но Николь-то знает, что дело в другом: мужчины отчего-то не горят желанием заполучить аппетитную вдовушку. Если кто и отпустит шуточку в сторону Коринны, второй раз не повторит, хотя нянюшка никогда не осаживает наглецов.

Лицо у Коринны, если посмотреть на него вблизи, похоже на размокший булочный мякиш. Кажется, ткнешь в него – и палец провалится глубоко-глубоко. Нет, думает Николь, это вовсе не румяная булочка. Скорее уж кусок непропеченного теста.

Неудивительно, что мужчины обходят ее стороной. Чутье вопит в них во весь голос: беги прочь, старина, удирай, иначе как-нибудь утром найдут тебя задохнувшимся на супружеском ложе, а в глотке у тебя будет забит тестяной ком.

Николь ни с кем не делится этими своими мыслями. Назовут дурой, а то и донесут дядюшке – тот ненавидит, когда она заводит свои выдумки. Но никто во всем мире не разубедит Николь, что нянюшку Коринну, пухлую, голубоглазую, славную Коринну стоит опасаться.

Нянька подхватила со стола кружку и просеменила к кровати.

– Дитя мое, выпейте теплого молочка, – проворковала она сладким голосом. – Ваша Коринна позаботилась обо всем!

Из-под балдахина высунулось разрумнявившееся личико младшей дочери Гуго де Вержи.

– Это Николь принесла? – нетерпеливо спросила девочка. – Она здесь?

– Здесь, здесь. Но вы обязательно должны выпить молоко, вам сразу станет лучше.

– Пусть сначала споет! – потребовала Беатрис. – Хочу, чтобы она спела!

– Но как же молоко?..

– Не хочу! Ненавижу его! Хочу колыбельную!

– Тише, тише... У вас снова будет жар.

– Тогда пускай Николь споет!

Личико Беатрис скривилось, и женщина поняла, что придется уступить.

– Хорошо, – с неудовольствием согласилась она. – Но вы пообещаете мне лечь в постель.

– Обещаю!

– Николь, подойди сюда.

Девочка приблизилась. Коринна вцепилась в ее плечо, надавила и усадила на стул.

– Пой сейчас же, – прошипела она ей на ухо. – Да старайся как следует. Из-за тебя молодая госпожа не может уснуть!

Нянька отдернула полог, и Беатрис придвинулась к краю постели.

– Николь, я снова не сплю, – голосок ее звучал жалобно. – Только закрою глаза, в ушах начинает звонить колокол.

Она доверчиво взяла горничную за руку. Сейчас, съезжившись под одеялом, Беатрис казалась совсем ребенком. Вьющиеся черные волосы разметались по подушке: младшая из дочерей графа де Вержи не разрешала заплетать себе косы на ночь.

Глядя на нежное личико с блестящими темными глазами, Николь пришлось в который раз напомнить себе, что Беатрис младше нее всего на одну зиму. Скоро ей будут подыскивать супруга. Но пока каждая служанка в замке убеждена, что их Беатрис – невинный маленький ангел.

«Маленькая притворщица», – беззлобно подумала Николь. Трудно не капризничать и не ломаться, когда все вокруг балуют тебя. К тому же Беатрис крошечная, как куколка. Одно время даже поговаривали, что у графини родилась карлица, но когда дитя подросло, стало ясно, что девочка просто ростом не выдалась.

– Ветер гудит так страшно. – Беатрис страдальчески сморщилась. – Не могу его слушать!

Коринна не выдержала:

– Бог мой, дитя, ветер давно утомился. Ночь тихая и холодная, как вода в колодце.

Беатрис даже не взглянула на нее.

– Закройте глаза, – ласково попросила Николь. – Нет, не замурьтесь, просто закройте. Вот так. Ветер – ваш друг. Он придет к вам ночью и принесет счастливые сны.

И она негромко запела, наклонившись к девочке:

Ветер согнет траву,
Разметает стога,
Спутает волосы крошке Мари,
Сдует с крыши воробьев,
А меня погладит,
Всего лишь погладит...

Коринна со вздохом отставила в сторону остывшее молоко. А Николь пела, прикрыв глаза:

Ветер примчится с моря,
По дороге заглянет на вересковые холмы,
Навестит дубовые рощи,
Принесет мне подарки:
С холмов – ожерелье,
Из дубрав – корону,
А с моря лодочку,
Маленькую лодочку.

Лицо Беатрис разгладилось, дыхание выровнялось.

Мне не нужно ожерелье,
И корона мне ни к чему,
Я возьму только лодочку,
Маленькую лодочку.
Сяду в нее,
И ветер понесет меня
Далеко-далеко,

Дальше вересковых холмов,
Дальше зеленых дубрав,
До самого моря,
До светлого моря.

Коринна почувствовала, что у нее самой от чарующего голоса Николь слипаются глаза.

Она никогда не упускала случая напомнить, что еще в колыбели чернявого приемыша поцеловала лесная фея. Один поцелуй – один дар. Значит, фея дважды дотронулась до лба младенца прохладными устами. Вот откуда у грязной девки волшебный голосок и власть над зверями.

Каждый раз за такие слова нянюшку поднимали на смех. Чушь, Коринна! Птичка-Николь возится с любой бессловесной тварью, подкармливает их и ласкает, в этом-то все и дело.

Как же! Коринна однажды попыталась погладить одну из тех дворняг, что вечно крутятся рядом с девчонкой. В отместку за доброту подлая сука цапнула ее и удрала, поджав хвост. Пришлось отравить мерзавку.

А песенки Николь! Разве не странно, что она никогда не поет про венки в ручье, про суженого, что снимет с нее белую рубашку и распустит ей волосы – ни одну из тех славных старинных песен, которыми славится их край? Девка выдумывает свои. От них становится тревожно и странно, будто ветер подул тебе прямо в сердце.

Уж конечно, без феи не обошлось! А дары лесного народа рано или поздно приносят несчастье.

Если не верите, посмотрите на старшего конюха. Девчонка высосала из дядюшки все силы, а ведь четырнадцать лет назад он был еще крепок и силен. Теперь же иссох, как осока на безводье. Лишь нрав остался прежний: все тот же нестигаемый Гастон Огюстен.

Такие люди, как он, всегда в цене. Много лет старший конюх неотлучно жил в Вержи, и лишь одно событие заставило его покинуть стены замка.

Именно тогда здесь и появилась Николь.

Ветер понесет меня
Дальше вересковых холмов,
Дальше зеленых дубрав...

Нянька попыталась ущипнуть себя, чтобы не заснуть, но без особого удивления обнаружила, что руки успели обрасти тугими перьями, а комната расплылась и пропала. Вокруг убаюкивающе шумел ночной лес. Коринна одобрительно кивнула круглой головой, открыла рот и услышала собственное уханье. Хорошо быть птицей, хищной птицей с острым клювом, загнутым, чтобы ловчее выклевывать кусочки теплого нежного мяса. Где-то поблизости шныряет в палой листве девчонка, обратившаяся в тощую юркую мышь.

Сова расправила крылья и обрушилась вниз, туда, откуда слышался шорох. Но крыло задело за предательский сук, и птица жалобно вскрикнула.

Коринна вздрогнула, открыла глаза и едва успела подхватить падающий кувшин, уже плеснувший на пол лужицу молока.

Горничная сидела к ней спиной, наматывая на палец прядь вьющихся черных волос. Беатрис крепко спала.

Коринна поднялась, протирая глаза. Бог ты мой, да она, оказывается, и впрямь задремала! А все скверная девка с ее убаюкивающими русалочьими песнями!

Бесшумно переступая, нянька двинулась к ней, заноса руку.

...Николь болтала ногой, глядя в камин. Огонь притих, и только алые огоньки прыгали туда-сюда, как живые.

Лекарь Венсан Бонне говорит, эти огоньки – всего лишь раскаленные угли. Он образованный человек, потому что умеет читать. И воспитанный: может сдерживаться, когда хочется выругаться. Еще он хорошо смешивает снадобья и за пятнадцать денье берется вылечить человека от любой бородавки с помощью желтого порошка.

Николь не знает ни одной буквы, а бородавки сводит куском сырого мяса. Зато ей отлично известно, что за огоньки играют в потухшем камине. Это крошки-домовые отплясывают под песни ветра в трубе. Подошвы их башмачков подбиты красным золотом: оно делает невидимым обладателя, но в темноте ярко светится.

Засмотревшись на танцы огоньков, Николь совсем забылась, но вдруг каким-то чутьем уловила легкое движение сзади.

Девочка, не раздумывая, уклонилась и отскочила. Как раз вовремя! Крепко сжатый кулак няньки проткнул то место, где была ее спина. Не зря Коринна славится умением передвигаться беззвучно, как рыба, и появляться из ниоткуда.

Нянька, не удержавшись на ногах, покачнулась и схватилась за каминную полку.

– Ты что, Птичка? – обиженно удивилась она. – У тебя на спине сидит паук!

Девочка вздрогнула и быстро провела ладонью по лопатке. Мохнатый черный комок приземлился на пол, выпустил тонкие лапки и словно всосался в ближайшую щель.

Когда Николь подняла глаза, она обнаружила, что Коринна смотрит на нее сочувственно.

– Ох-ох-ох, недобрый знак!

Николь и сама это знала. Если паук забрался на плечо, жди беды.

– Можешь идти, – разрешила Коринна. И добавила: – Будь осторожна в ближайшие дни, малютка. Прядильщик сетей не просто так заполз на тебя.

Она мягко улыбнулась на прощанье.

Но странное дело: эта улыбка показалась девочке еще более зловещим предзнаменованием, чем встреча с пауком.

Вместо того чтобы отправиться в комнату горничных, где уже храпела Мари, Николь вновь пробежала по галерее и спустилась вниз. В кухне звучали голоса, гремели подносы, и запах печеного мяса тянулся по всему замку.

Но к поварам Николь даже не заглянула. Она проскочила мимо приняхивавшегося стражника, водившего носом туда-сюда, и выбежала наружу.

Никого.

На башне покачивался и скрипел фонарь, подхваченный кованым зажимом. Николь обошла его стороной. Чего доброго, закапаешь платье конопляным маслом – потом не отстираешь.

Фонарщика наняли лишь две зимы назад, когда по заказу графа в Вержи доставили три дюжины настоящих стеклянных фонарей. На них сбегались смотреть, как на диковинку. Стекла толстые, волнистые, пузыристые – красота! Правда, слуги все равно продолжали использовать сальные свечи: привычнее, да и ярче.

Но куда же пропал Матье?

Николь заплясала от холода. Что за начало лета – хуже осени!

Из-за угловой башни донесся негромкий свист.

– Где тебя носит? – сердито проворчал помощник кузнеца, выступая из темноты.

– Беатрис не могла уснуть. Принес?

– Думаешь, я больно-то хочу оставить его себе?

Матье вытащил из-за пазухи туго набитый мешочек.

– Держи! Наконец-то избавлюсь от этой гадости.

Николь присела на корточки и принялась развязывать тесемки.

– Хочешь сразу сунуть туда любопытный нос, чтобы он стал еще длиннее? – насмешливо спросил парень, глядя сверху на белеющий в темноте чепец. – Или боишься, я напихал туда козых какашек?

– Хочу убедиться, что ты ничего не перепутал.

– Может и перепутал бы, если б шлялся на кладбище Левен каждую ночь, – отрезал Матье. – Но мне и одного раза хватило.

Николь наконец-то справилась с завязками и погрузила пальцы в горловину. Растерла щепоть влажной земли, среди крупниц которой попадались тонкие, как нить, корешки.

Девочка задрала голову и просияла:

– Спасибо, Матье!

– Да брось ты...

Юноша немного смягчился и присел рядом.

– Бернадетта рыщет зверем. Кажется, все-таки подозревает, что без тебя не обошлось.

– Постой! – встревожилась Николь. – Разве ее не отвлекла эта глупая корова?

Матье хмыкнул. Корова? Он заглядывался на новую судомойку с первого же дня, как она вильнула перед ним своей пухлой задницей. А вчера подстерег ее у входа в погреб и ущипнул так, что она завизжала. Уж он-то знает, как доставить девке удовольствие! Ущипни ее хорошенько за гузно, и она твоя.

С Николь таких шалостей не позволишь. Его приятель как-то раз попытался завалить ее на сеновале... Ничего дурного – просто хотел малость потискать. Так девчонка чуть не отхватила ему нос и на руках оставила следы острых клыков. Искусала беднягу не хуже крысы.

– Я чуток подразнил одноглазую, – признался Матье. – Не удержался напоследок.

Николь в ужасе прижала к губам испачканную в земле руку.

– Что ты ей сказал?

– Про нас – ни словечка. Только спросил, откуда узнали про ведьму, если все жители Левен сгинули, как один.

– Ты дурень, Матье! Зачем дергать неприятности за подол? К тому же мы с тобой видели белые камни своими глазами. И кое-что еще, кроме камней и могил...

Оба вздрогнули и дружно перекрестились. Матье беспокойно огляделся и попросил:

– Давай не будем об этом.

Они помолчали.

Николь спрятала заветный мешочек и поднялась.

– Знаешь, может, то, что болтают про Левен, и в самом деле выдумки, – медленно проговорила она, – но про ведьму – правда.

И добавила, понизив голос:

– Кому как не нам с тобой знать об этом.

Матье резко выпрямился. Некоторое время они смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

Первым сдался парень.

– И вспоминать не хочу. Забыли!

– Забыли, – согласилась Николь. – Подожди!

– Ну, чего еще?

– Повторяй за мной...

Она вырвала из земли несколько травинок и стиснула в левом кулаке. Два пальца правой руки растопырила рогаткой, прижала сверху.

Матье хоть и фыркнул пренебрежительно – опять за свои глупости! – но сделал так же.

– Давай!

Они прошептали хором, с каждым словом ударяя «рогаткой» по кулаку:

– От дурного глаза, от худого часа, от пряденого волоса – откуда явилось, туда и провалилось!

Швырнули травинки за левое плечо и трижды сплюнули.

Николь облегченно выдохнула. Заговор был простой, но действенный. Она на себе проверяла: когда разболелась голова, сказала нужное слово, развеяла пучок травы с крыши часовни – и все прошло.

Матье вытер губы рукавом, отступил за угол башни и пропал.

Теперь оставалось исполнить вторую часть замысла.

Спрятав ценную поклажу в рукав, Николь миновала ворота башни и спустилась на нижний двор. Караульный сонно глянул на девчонку, но даже поленился качнуть головой в ответ на ее приветствие.

Нижний двор давно спал. Рабочий люд ложится рано, не то что знатные господа.

Николь любила это место. Днем здесь вечно стоял такой шум, что хоть уши затыкай: громыхали своими железяками кузнецы и оружейники, смачно переругивались забияки каменщики, надрывались псы в обеих псарнях – охотничьей и сторожевой. Лошади выбивали из булыжников звонкую дробь, мальчишки вились вокруг, точно мошкара – эй, не зевай, не то налетят озорной вопящей тучей, сдернут штаны – и прочь, хохоча во все горло, – и толстяк-управляющий щедро отвешивал им подзатыльники, костеря на все лады.

С раннего утра заводили свою скрипучую песню ворота трех колодцев, а важному стуку молота в кузне вторил размашистый «шмяк! шмяк! шмяк!»: уставшие от ноши крестьяне с размаху плюхали тяжеленные корзины с провизией на выщербленный стол под навесом. Изредка Клод-гробовщик привозил свой груз на дребезжащей телеге, стараясь успеть до того, как появятся на площади первые люди.

Стена видела жизнь и смерть, но оставалась молчаливой. Огромная, холодная, древняя, как холм, она не разговаривала даже под щедрыми потоками ливней. Вода, умеющая извлекать звук из всего, что существует, будь то листья или песок, проигрывала в схватке с ее надменной немотой. Струи дождя, расшибаясь о серые глыбы, теряли свои певучие голоса. Они бесшумно струились вниз и смиренно уходили в землю, питая подводные реки, а камни оставались – могучие, величественные в своем незыблемом молчании.

Но так было не всегда. В незапамятные времена люди, сложившие стену, оставили в ней углубления и превратили в жилища. Они ютились в них, точно ящерицы в скальных норах, и были крикливы, как сойки.

Конец их птичьему гомону настал лишь той страшной ночью, когда оборвалась жизнь Симона де Вержи. Граф Гуго, восстанавливая замок, приказал возвести для прислуги отдельные постройки.

Теперь к стене лепились ульи домов. Целая улица выросла на том месте, где когда-то было лишь месиво грязи под копытами лошадей и коров. Жилища в камне опустели, голоса ушли навсегда.

Но одна нора после долгого перерыва вновь стала обитаемой. К ней и лежал путь Николь.

Девочка обогнула последний, самый захудалый домишко, остановилась в глубокой тени каменной кладки и постучала.

Клин света распорол темноту, когда стрельчатая дверь приоткрылась.

– Входи, – сказал лекарь.

Миг – и Николь исчезла внутри.

Глава 3

Между главной залой и кухней сновали слуги, без конца поднося все новые и новые кушанья. Граф приказал повару порадовать гостя, и тот не подвел господина.

Фаршированные куропатки, обложенные просвечивающими до сердцевины мочеными яблоками; утки в глянцевых озерах малинового соуса; жареный олень, истекающий жиром на гигантском блюде, которое шесть человек едва доволокли до стола; розовое, как гранат, мясо вепря в сушеных сливах; лоснящиеся колбасы, источающие упоительный запах, паштеты, копченая рыба в золотистой чешуе... Главный повар замка Вержи опустошил все свои хранилища. Николь не видела прежде доброй половины тех блюд, что подавали нынче на стол в честь приезда маркиза.

Жан Лоран де Мортемар восседал на самом почетном месте. По правую руку от него улыбался граф, обнажая острые, как у хорька, белоснежные зубы. За спиной маркиза де Мортемара замер худой бородатый человек с землистым лицом, положив руку на эфес шпаги. Каждый раз при взгляде на него Николь становилось не по себе.

Маркиз де Мортемар, про которого говорили, что он почти принц, оказался больше похож на мясника: жирный, как отъевшийся на желудях боров, с заплывшими глазами и широким приплюснутым носом. Хороши были только густые рыжие кудри с отливом в благородное золото.

Трудно было бы найти людей, менее схожих друг с другом, чем гость и хозяин. Гуго де Вержи, тонкий, как хлыст, ловко орудовал вилок, расправляясь с утиной грудкой. Маркиз ел как простолюдин: без церемоний схватив баранью ногу, впивался в нее кривыми желтыми зубами, отдирая кусок и небрежно утирал рукавом стекающий по подбородку жир.

Граф редко смеялся – лишь время от времени молча скалился, что должно было означать улыбку. Маркиз де Мортемар оглушительно хохотал, и от его смеха вино дрожало в бокалах. Гуго подзывал слугу изящным жестом маленькой белой кисти. У маркиза де Мортемара ладони и запястья были красные, крепкие: руки кузнеца, а не господина.

Зато когда Николь оказалась неподалеку от маркиза, выяснилось, что от него пахнет тонкими духами. Даже терпкий запах вин не мог заглушить нежный цветочный аромат.

А вино лилось рекой. Де Мортемар пил за десятерых, не пьянея. Граф подносил к губам кубок – и ставил на место, едва пригубив. Он зорко следил за тем, что творилось вокруг. Николь несколько раз ловила на себе его пристальный взгляд.

Ей уже давно не приходилось прислуживать за столом, но утром оказалось, что одна из двух девушек, которым предстояло исполнять эту почетную обязанность, заболела. Вторая то и дело принималась рыдать от страха, и даже щедрые оплеухи Бернадетты не исправили дела.

Тогда послали за Николь.

– Если хочешь, чтобы я забыла последнюю выходку твоего друга, делай что говорят, – проворчала Бернадетта. – Будешь прислуживать юным господам. Остальное не твоя забота.

Про себя старуха подумала, что расторопная девчонка справится за двоих. Как говорила бабка, одна пчела лучше пригоршни мух.

– Да не вздумай глазеть по сторонам! С кухни пришлют троих помощников. Если что забудешь, смотри на них.

Но разве до помощников было Николь! Хоть Бернадетта и велела ей не отвлекаться, девочка успевала посматривать и на графа с хозяйкой, и на прожорливого гостя.

Она заметила, как заблестели глаза маркиза, стоило ему увидеть старшую дочь графа.

Элен только исполнилось шестнадцать, и все вокруг твердили, что второй такой красавицы не найти в целой Франции. От отца она унаследовала кожу матовой белизны, синие

глаза под черными, как перо ворона, бровями, и мелкие, очень ровные и блестящие зубки. От матери – осанку королевы и улыбку, полную значительности.

Правда, улыбалась она редко. В отличие от ребячливой Беатрис, Элен как будто родилась с выражением надменного спокойствия на лице. Казалось, ничто не может вывести ее из себя.

Никто лучше Николь не знал, как обманчиво это выражение. За несколько лет службы она так и не научилась предсказывать вспышки гнева своей хозяйки. Ледяная королева, что мечет иглы сосулек в нерадивых подданных – вот кого напоминала в ярости Элен де Вержи.

В супруги ей был выбран Шарль, сын барона Анри де Суи. Брак сулил выгоду обоим семействам, обещая принести одному – новые земли, другому – поддержку при дворе.

Будущего мужа Элен не видела ни разу в жизни, но жених и невеста обменялись портретами. С картины застенчиво улыбался красивый хрупкий юноша лет семнадцати. Беатрис посмеивалась над сестрой, твердя, что ждет не дождется свадьбы – тогда-то они узнают, как сильно художник польстил жениху.

Для торжественного ужина Элен выбрала синее платье, подчеркивающее нежность ее кожи. Вырез лифа открывал лилейно-белую грудь и узкую тень ложбинки, в которую стекала жемчужная капля на серебряной цепочке.

– Ваши дочери очаровательны, – не преминул заметить гость, обращаясь к графине. – Их присутствие украсило бы и королевский двор.

И надолго задержал взгляд на Элен.

Та сидела, скромно опустив глаза. Жан Лоран де Мортемар облизнул губы и громогласно потребовал еще вина.

В очередной раз вбежав в кухню с подносом, Николь едва не столкнулась с лекарем. Венсан Бонне отливал из каждой бутылки по ложке вина, добавлял несколько капель из темного пузырька и тщательно принюхивался. Рядом с ним неотступно держались двое из свиты маркиза.

С Жаном Лораном де Мортемаром прибыло всего шесть человек. Сам маркиз – в карете, а его маленький отряд – верхом, под предводительством костлявого бородатого мужчины, наводившего страх на Николь. Маркиз обращался к нему «Андрэ».

Увидев гостей, Николь с первого взгляда поняла, что простыми слугами здесь и не пахнет. Приехавшие держались особняком, ни с кем из местных без лишней надобности не заговаривали. Под неброскими плащами каждый из них прятал на поясе короткий меч.

Николь от природы была наблюдательна: она отметила и мечи, и военную выправку, и уверенную посадку в седле. Шестеро слуг – совсем немного для дальнего путешествия, но шестеро воинов – не так уж мало.

– Забирайте, – кратко скомандовал лекарь, кивнув на бутылки.

– Ты уверен? – один из сопровождающих впервые разомкнул губы. – Проверил на совесть? Лучше повтори еще раз.

Венсан Бонне задержал на нем тяжелый взгляд.

– Этого достаточно.

Несколько секунд двое мужчин смотрели друг на друга. В кухне, только что заполненной криками, шарканьем шагов и звяканьем блюд, внезапно воцарилась нехорошая тишина.

Слуга маркиза сдался первым.

– Коли хозяину будет плохо от вина, тебе несдобровать, – процедил он.

Лекарь не удостоил его ответом. Быстро прошел мимо Николь и, кажется, даже не заметил маленькую запыхавшуюся горничную. Ее улыбка, намекавшая на их общую тайну, пропала зря.

– А ну не стой! – подтолкнул ее сзади повар. – Хватай пирог и бегом тащи на стол. Да шевелись же! – прикрикнул он, видя, что Николь провожает Бонне взглядом. – Или ждешь, что он клизму тебе вставит? Ах-ха-ха!

Вокруг загоготали. Девочка вспыхнула, схватила поднос и метнулась прочь.

Венсана Бонне не зря прозвали молчуном. Он из той породы людей, которых мало что может вывести из себя. И ты никогда не знаешь, когда и от чего случится взрыв.

Лишь однажды Николь видела, как он злится.

В тот день к нему пришла Матильда. Она задыхалась, еле переставляя толстые, как бревна, ноги. Прежде, чем лекарь успел сказать хоть слово, Матильда бухнулась перед ним на колени и заплакала.

Видит бог, Николь вовсе не хотела подглядывать! Она всего лишь прибежала за сладкими пастилками для Элен (от них дыхание становится ароматное, будто съела корзинку фиалок) и заглянула в окошко. А там такое!

Венсан постоял, без выражения глядя на рыдающую женщину, а затем достал что-то из ящика и протянул ей.

Когда Матильда ушла, размазывая слезы по отеку лицу, лекарь застыл посреди комнаты. И вдруг с размаху обрушил на стол сжатый кулак.

Дубовая столешница вздрогнула и застонала, жалобно звякнули бесчисленные склянки и пробирки, а Бонне только зашипел от боли сквозь сжатые зубы и уставился в окно.

Тут-то перепуганная Николь и попалась ему на глаза.

Все побаивались Венсана. Во-первых, чужак. Во-вторых, молчун. В-третьих, на лекаря мало похож.

Лекарь – он какой? Щуплый да лысый, с выпуклыми, как у стрекозы, глазами.

Именно так выглядел прежний.

Венсан Бонне жилист, как морской канат. Щеки у него впалые, глаза глубоко посажены, нос перебит и скривлен набок, словно на нем черти плясали. А лысины, которая, как известно, есть признак любого ученого человека, у Бонне даже не намечается: волос густой, жесткий, той масти, которую в Вержи называют волчьей. Черный, значит, с обильной проседью.

– Госпожа Элен ждет... – пролепетала Николь, пробравшись бочком в его жилище. – Лакомство, что вы готовите для нее, месье.

Лекарь молча подвинул на край стола жестяную коробочку. Николь проворно сцапала ее – и скорее к двери. Но у самого выхода что-то заставило ее обернуться.

Венсан Бонне стоял, опираясь обеими руками о край стола и низко наклонив голову, словно на шее у него висело ярмо.

– Эта женщина не может больше рожать, – глуховато проговорил он. – Следующий ребенок убил бы ее. Я дал ей... ладно, ты все равно не поймешь. Но детей у нее теперь не будет. И можешь пойти и донести вашему священнику, что я совершил страшный грех.

Николь остановилась. Помолчала, и вдруг неожиданно для самой себя сказала:

– Когда Матильда родила восьмое дитя, повитуха заявила, что если она зачнет в ближайший год, роды убьют ее. Ее муж, Хромой Ганс, слышал это. Но Матильда все равно вскоре понесла.

Лекарь ничем не показал, что слышит слова маленькой служанки.

– Когда она рожала, то кричала так, что взбесились лошади в конюшне. Она чудом осталась жива. Младенец прожил только до утра. Это случилось незадолго до того, как вы появились здесь, месье.

Венсан Бонне по-прежнему молчал. А Николь уже не могла остановиться:

– Ее умершее дитя посылает теперь ливни на наши поля. Когда дождь, Матильде не нужно вывозить помой. Она может хоть немного отдохнуть.

Лекарь поднял на нее глаза. Девочке показалось, что в них мелькнул вопрос.

– Хорошо, что погодой с небес управляют дети, умершие некрещеными, – задумчиво сказала она и перекрестилась. – Хоть им, бедняжкам, заказан путь в рай, они все же сидят на облаках. Наверное, там мягко и тепло. Как вы думаете, месье?

Венсан прокашлялся.

– Дети?

– Конечно. – Николь удивилась его невежеству. – Ведь ни рай, ни ад не могут их принять. Разве вы не знали?

Лекарь теперь внимательно смотрел на нее.

Николь снова стало не по себе.

– Я лишь хотела сказать, что Матильда... Она останется жива. Благодаря вам, месье.

– А отец Годфри сказал бы, что я совершил страшный грех, – глуховато возразил Бонне.

– Отец Годфри? – переспросила девочка, краснея от злости. – Отец Годфри обрюхатил дурочку Катрин! Он завел ее за калитку возле часовни, где растет бузина, и велел лечь на траву. А к концу осени Катрин стала похожа на пивную бочку. Не отцу Годфри говорить о грехе!

Она спохватилась и зажала рот ладонью.

Но было поздно. Глаза Венсана Бонне блеснули.

– Откуда ты знаешь?

Николь помолчала и неохотно призналась:

– Видела. Я сидела на крыше часовни, а они... Он...

– На крыше, – понимающе кивнул лекарь.

Николь снова почувствовала, что краснеет.

– Оттуда очень здорово смотреть вниз, – пробормотала она. – На сторожевые-то башни меня не пускают.

– Зря. Ты бы и с них углядела что-нибудь интересное.

Николь насупилась. Она уже пожалела, что сболтнула про священника. Но очень уж она разозлилась, когда брюхатая Катрин прыгнула с моста и утонула, а отец Годфри отказался отпевать ее – мол, самоубийцам не положено.

Самоубийца? Вот еще! Уж ему ли, жирному распутнику, не знать, что дурочка Катрин даже не понимала, что такое распрощаться с жизнью. Наверняка углядела в тине рыбку и решила, что перед ней серебряная монетка, вот и нырнула с моста.

– Всего доброго, месье. – Николь взялась за ручку двери. – И простите меня.

– Моя жена умерла, рожая нашего первенца, – в спину ей проговорил Венсан Бонне.

Девочка остановилась и изумленно взглянула на него. Никто никогда не слышал от лекаря о его прежней жизни.

– Я сирота, вырос при монастыре, оттуда и мое ремесло. Нас учили, как принимать роды. Только это не помогло. С тех пор...

Бонне оборвал свою речь.

Николь вскинула голову:

– Да простит меня господь, но Хромой Ганс – дурной человек. У него только одно на уме. Он свел бы Матильду в могилу. Вы спасли ее.

– Ты никому не сболтнешь об этом?

Николь покачала головой.

– Я умею молчать, месье. Хотя, может, по мне этого и не скажешь.

Тогда-то она и увидела в первый раз, как смеется Венсан Бонне.

* * *

Разгорячившись от выпитого, маркиз без стеснения расстегнул ворот рубашки. Всем бросился в глаза мешочек, висевший на его груди.

– Ваш амулет? – с улыбкой спросила Алиса де Вержи.

Мортемар нежно провел пальцем по истертому шнурку, обвивавшему бычью шею.

– Внутри всего лишь горстка земли с моей родины. Матушка подарила мне его, когда я дал обет истреблять ведьм. Она считала, что он защитит меня от их проклятий.

– Ваша сыновняя почтительность делает вам честь, ваша светлость.

– Хвала господу, теперь мои земли очищены!

– Я слышал, ваша светлость, – вмешался Гуго, – что вы истребляете также и знахарок, не делая различия между ведовством и колдовством.

Маркиз пожал плечами:

– Пьер де Ланкр в своем труде «Примеры непостоянства злых духов и демонов» убедительно доказал, что ведьмы и ведуньи суть одно и то же. Все обвиняемые в суде сознались в колдовстве, наведении порчи и сношении с дьяволом.

За спиной Николь прошуршал подол.

– Посадить бы твою благородную задницу на стул, утыканный иглами, и послушать, как ты запоешь, – тихо проговорила старуха Бернадетта, почти не разжимая губ. – Вспомнишь не то что про дьявола – про сношения твоей неподмытой прабабки сдохлым меринком.

Какой только хулы не доводилось слышать Николь от одноглазой чертовки! Но в отношении господ она никогда не позволяла себе лишнего слова.

Скрывая изумление, девочка незаметно отступила назад и, поравнявшись с ключницей, украдкой взглянула на нее.

Бернадетта стала страшна. Ноздри ее раздувались, желваки ходили на потемневшем от ярости лице. Повязка задралась, приоткрыв слепой провал глазницы. Воздух со свистом вырывался сквозь узкую щель запавшего рта.

– Бернадетта! – Николь дернула ее за край юбки.

Старуха не отозвалась.

– Бернадетта!

В их сторону уже начали поглядывать. Пока только слуги, но стоит графу или маркизу обратить на них внимание...

Острым кулачком Николь со всей силы ткнула в костлявый бок ключницы и замерла в ужасе от содеянного.

Бернадетта вздрогнула и вышла из забытья.

– Николь Огюстен, ты в своем уме?!

Даже ругаясь, старуха сохраняла лицо почти неподвижным – умение, которым владели лишь самые опытные слуги.

– Прости! – Девочка тщетно попыталась изобразить ровную улыбку, которая обманула бы окружающих. – Но ты... Ты испугала меня!

Бернадетта выхватила у проходящего мимо разносчика тарелку и сунула ее слуге, шедшему следом.

– Унеси это на кухню и скажи идиоту повару, чтобы напялил колпак на свою тупую башку. Иначе в другой раз его волосы слетят вместе с головой.

Тот бросил короткий взгляд на содержимое тарелки, поменялся в лице и, придушенно булькнув, умчался на кухню.

Николь потихоньку стала отступать, но старуха ухватила ее костистыми пальцами за запястье.

– Удар твоего кулака до сих пор отзывается в моих ребрах, – с угрожающей ласковостью проговорила она. – Ты чуть не пробила меня насквозь, как гнилой забор. Осел и тот лягнул бы нежнее.

– Умоляю, Бернадетта...

– Молодец, что сообразила сделать это.

Забыв, где они находятся, Николь выпучила глаза на старуху.

Должно быть, она ослышалась.

– Да не тарашься на меня, козья отрыжка! – прошипела та. И поскольку Николь не пошевелилась, прибавила: – Шмель тебе в зад! Отвернись, кому сказано. Ах ты шмат мышино дерьма! Да проснись же, дура ты пустобрехая, выскребыш подзаборный, чтоб тебе соплей подавиться!

Произнося все это, Бернадетта ни на миг не утратила невозмутимого выражения лица. Со стороны казалось, что старуха незаметно дает горничной наставления.

Заряд свирепой силы, вложенной Бернадеттой в ругань, оказался таков, что Николь явственно увидела шмеля, с неохотой подлетающего к назначенному для него старухой месту. Ее передернуло. Она уставилась перед собой, напрягла губы в улыбке. Теперь, даже если бы старуха вдруг лопнула и разлетелась на кусочки, Николь не повернула бы головы в ее сторону.

Бернадетта выпустила ее руку.

– На допросе у маркиза даже ангел признается в том, что перерезал горло товарищу и пропил его крылья, – вполголоса заметила она. – Ну да это не твое дело. Госпожа Элен вот-вот докушает. Подойди к ней ближе и будь готова унести тарелки.

За столом господ разговор о ведьмах уже закончился. Маркиз бережно прикрыл ладанку краем ворота и обратился к Гуго де Вержи:

– Вы обещали, мой друг, что завтра мы сможем поехать на охоту.

– Лошади будут готовы, ваша светлость. Я уже выбрал тех, что придутся вам по нраву.

– Горячие?

– Пылкие, как наложницы султана, – тонко улыбнулся Гуго. – Я помню о вашей маленькой страсти.

Николь, стоявшая за спиной Элен, наострила уши. Но господа уже заговорили о другом.

Она не могла дожидаться, когда утомительный ужин подойдет к концу. Однако маркиз, казалось, был поражен проклятием ненасытности. Он все ел и ел, обильно запивая трапезу вином, и постепенно начал пьянеть. Голубые глаза помутнели, смех стал громче и развязнее. Наконец де Мортемар хлопнул ладонью по столу и встал, покачиваясь.

– Ваше гостеприимство, Гуго, не знает границ. Но пора и отдохнуть. Завтра нас ждет отличный день!

– Надеюсь на это, ваша светлость.

Маркиз похлопал его по плечу:

– Оставьте церемонии для двора, дорогой друг! А сейчас... Ик!.. Сейчас мне хотелось бы выпастся.

«До чего же он уродлив, – подумала Николь, отводя глаза. – И этому борову достанется Птичка!»

Когда на замок опустилась ночь, двери конюшни со скрипом приотворились.

Лошади уютно посапывали в стойлах. В узкие прорези окон под крышей лился холодный лунный свет.

– Где он?

– Вон, пятый.

Пегий мерин, проснувшись от голосов, заволновался, зафыркал.

– Чш-ш! Притуши.

Фонарь мигнул, тени на стенах стали едва различимы.

Два конюха Вержи прошли в глубь конюшни, пристально вглядываясь в спящих животных, и остановились у стойла крупного гнедого коня.

– Да, Озорник подойдет, – после недолгого молчания согласился младший конюх. – Только надолго его не хватит.

– Руссенская порода, – напомнил старший. – Они выносливые.
– Мортемар выносливее, – отрезал Жермен. – Загоняет лошадей до кровавой пены из ноздрей.

– Ты видел это?

– Своими глазами. Поверь мне, Гастон, ему это по душе.

Старший конюх помрачнел.

– Вот для чего ему норовистые лошади...

– А ты как думал? Он от них распаляется. Его любимое развлечение – загнать побольше за один выезд.

– Ты правда видел это или просто треплешь своим жирным языком?

– Одна как шла, так и свалилась мне под ноги – едва успел отскочить. Ноздри у нее до того раздулись, что можно было в каждую сунуть два твоих кулака. А бока ходили так, что седло подпрыгивало почище скачущего зайца.

– Довольно, – оборвал Гастон.

Раздался короткий смешок.

– Как хочешь... Но я бы на твоём месте приготовил завтра троих. Двумя может не обойтись.

– Думаешь, он загонит и Птичку тоже? – голос старшего конюха дрогнул.

– До смерти, может, и нет. Но из-под седла надолго выбьет. Вряд ли она оклемается.

Гастон не удержался и выругался.

– А не оклемается, туда ей и дорога, – хладнокровно отозвался Жермен, не простивший злобной кобыле ее выходки. – купишь новых. Твое дело – чтобы Мортемар остался доволен.

Прошуршали, удаляясь, шаги, вздохнула дверь – и стало тихо.

Тогда из дальнего темного угла, крадучись, выбралась высокая фигура.

– Матье! – удивленно проворковали из угла. – Куда ты?

Парень не отозвался. Страхнув солому, он подошел к деннику, в котором дремала золотистая лошадь.

– Вернись ко мне, малыш!

Юноша принялся грызть коготь, не сводя глаз с кобылы. Подметка дьявола, до чего же паршивое дело! Николь с ума сойдет от горя.

Над Матье посмеивались из-за его дружбы со служанкой. Приятели отпускали похабные шуточки, да он и сам не без удовольствия похихатывал вместе ними. «Кто, Николь? Она для меня не важнее прошлогоднего мышинного помета!» – поклялся он судомойке, прежде чем завалить ее на кучу соломы.

Но сейчас Матье отчетливо представил заплаканное лицо девочки, и у него сжалось сердце.

– Птичка! – тихонько позвал он, сам не зная, чего ждет.

Тонконогая кобыла вскочила так живо, словно и не спала.

Матье отшатнулся, когда выразительная морда с блестящими глазами оказалась рядом. Его лицо овеяло теплое дыхание.

– Ну, где же ты? – окликнули из угла.

Если бы Птичка не проснулась, Матье плюнул бы на все и уже возился в соломе с пышнотелой девицей. Но сейчас он не мог уйти. Какое-то странное чувство грызло его, и от него было больно везде, не только в сердце.

Лошадь смотрела с печальным пониманием, и юношей внезапно овладела безумная мысль.

Когда недовольная судомойка выбралась из остывшего гнездышка, то от изумления выпучила глаза. Красавчик Матье, полуголый, стоял возле бешеной кобылы, затягивая подпругу. Птичка помахивала головой, но не делала даже попыток лягнуть нахального юнца.

– Иди сюда! – выдавил парень, покраснев от натуги. – Поможешь мне.

Девушка фыркнула и бросилась бежать подальше от свихнувшегося любовника и злобной кобылы.

– Не вздумай никому рассказать! – крикнул он вдогонку.

Но той уже и след простыл.

Матье даже головы не повернул вслед. Затянув подпругу, он принес из кормушки горсть овса и присел на корточки перед Птичкой.

– Наклонись! Ну же, давай!

Кобыла послушно опустила голову и принялась жевать овес.

Матье заставил ее повторить это несколько раз, и только тогда распустил подпругу. Пальцы нащупали в подмышке лошади стремительно набухающие уплотнения. По губам его пробежала довольная ухмылка.

Все, теперь запрячь ее долго не удастся!

Конечно, Гастон изведет всех, пытаясь понять, отчего здоровая кобыла вдруг заподпругилась. Но пройдет не меньше недели, прежде чем Птичка сможет снова ходить под седлом.

– Ты умная зверюга, – тихо сказал Матье, отступая назад. – Только не выдавай меня.

Лошадь вскинула голову и посмотрела на него так, что у юноши мурашки побежали по коже.

Возле двери взгляд его упал на огромного вороного жеребца – одного из тех, на которых прискакал отряд маркиза. Мышцы перекачивались под лоснящейся кожей, когда жеребец, волнуясь и горячась от близости лошадей, переступал копытами.

Матье восхищенно присвистнул.

Если бы он мог знать, чем обернется дело, то своими руками перерезал бы сухожилия этому коню.

Глава 4

Граф Гуго де Вержи, гостеприимный хозяин и любящий отец, держал за руку свою старшую дочь. Элен попыталась вырваться, но мертвой хватке графа не смог бы противиться и более сильный человек.

– Ты пойдешь к нему, – размеренно и внятно повторил граф. – И сделаешь все, что он захочет.

– Но отец!..

– Поверь, ты будешь вознаграждена за неудобство.

– Неудобство?! – вспыхнула девушка.

– Тихо! – граф предупреждающе стиснул ей локоть. Элен едва удержалась, чтобы не застонать.

В отчаянии она прибегла к последнему средству.

– Но я обручена! Шарль де Суи... Я должна выйти за него девственницей! Его отец – строгий ревнитель устоев!

Гуго снисходительно улыбнулся:

– Поверь мне, твой брак с Шарлем не так важен, как благосклонность нашего гостя. Так ты сделаешь то, о чем я тебя прошу?

Он подчеркнул слово «прошу».

Девушка молчала.

– Я не хочу от тебя многого, – с пугающей мягкостью заверил Гуго, сжимая пальцы. Элен стиснула зубы, чтобы не закричать от боли. – В конце концов, разве не для этого предназначила тебя природа? У тебя сейчас особенные дни?

Элен не сразу поняла, о чем ее спрашивают.

– Нет, – выдавила она. – Они уже были в этом месяце.

– Жаль... – с видимым огорчением сказал граф. – Ему бы...

Он оборвал себя, наклонился к дочери и пристально посмотрел ей в глаза.

– Отправляйся к нему. Сейчас же. Пока он хочет тебя.

Элен не была труслива. Но глядя в невозмутимое лицо отца, она ощутила такой страх, какой испытала лишь дважды в жизни. Первый раз – когда чуть не утонула в реке, запутавшись в браконьерских сетях. Второй – когда подглядела, как пляшут в воздухе ноги пойманного браконьера, вздернутого графом в тот же день.

– Хорошо, – беззвучно проговорила она. – Я... Я пойду к нему.

Гуго удовлетворенно улыбнулся и отпустил ее руку.

– Ты вся дрожишь, – заботливо заметил он. – Возьми накидку и отправляйся к маркизу.

Девушка сделала шаг в сторону.

– Постой!

Она в страхе взглянула на отца. Что еще он придумал?

– Переоденься, – решил Гуго, оценивающе оглядев ее. – Спрячь под накидкой что-нибудь более... м-м-м... обольстительное.

– Да, отец. – Голос Элен звучал почти ровно. – Я зайду к себе, а потом отправлюсь порадовать нашего дорогого гостя.

Граф одобрительно кивнул.

– Ты умница, дитя моя. Если все пройдет хорошо и маркиз останется доволен, не сомневайся, ты будешь довольна еще больше.

– Я никогда не подвергала сомнению ваши слова, – одними губами улыбнулась Элен. Она уже окончательно овладела собой.

– Умница, – повторил отец.

И махнул рукой: иди, иди.

... Беатрис сидела на кровати и спорила с нянькой, пытавшейся напоить девочку молоком. Когда Элен вошла, Коринна почти уломала строптивницу сделать один глоток.

– Оно сладкое, моя душа! Вам понравится.

«Никого из горничных нет, – отметила Элен. – Что ж, хорошо...»

– Выйди, – непререкаемым тоном приказала она.

Нянька обернулась к ней и захлопала ресницами.

– Что?

– Выйди! – жестко повторила Элен.

– Но, ваша милость...

Коринна растерялась. Беатрис, почувствовав, что происходит нечто необычное, приподнялась на кровати и с любопытством переводила взгляд с сестры на няньку.

– Я хочу, чтобы ты оставила нас одних. – Элен подошла к постели и взяла из рук оторопевшей женщины кружку. – Иди. Я сама уговорю ее выпить это.

Коринна в немом изумлении таращилась на старшую дочь графа. Ох, да что же это творится?! Куда подевалась ее скромница Элен? Может, за ужином угостилась вином? Иначе с чего бы девчонке такое чудить! Выгонять ее на ночь глядя из покоев, ну надо же!

Нянька покровительственно улыбнулась девушке:

– Ваша милость, ну разве вы сможете уговорить ее? Уж поверьте, у меня выйдет лучше.

– Не сомневаюсь, – в ответ холодно улыбнулась Элен.

Коринна почувствовала себя неуверенно. В эту минуту девушка стала пугающе похожа на Гуго де Вержи, а его улыбка обычно не сулила слугам ничего хорошего.

– Но если ты сейчас же не сделаешь то, что велено, я позову отца. И расскажу ему, как ты своевольничаешь. Беатрис подтвердит мои слова. Правда, Беатрис?

– Конечно! – важно кивнула девочка.

Коринна всхлипнула и выбежала из комнаты.

Элен проверила, не осталась ли нянька подслушивать за дверью. И лишь убедившись, что они с сестрой и в самом деле одни, позволила себе выдохнуть:

– Святой Николя, можно ли быть такой дурой!

– Они все глупые, – с уверенностью ответила Беатрис. – Зато Коринна незлая.

– Еще какая злая! Добра она только с тобой.

Беатрис пожала плечами:

– Думаешь, мне есть дело до того, какова она с другими?

– Тебе вообще ни до кого нет дела!

– Неправда! – живо возразила девочка. – Мне есть дело до тебя. Что случилось, Элен? Ты такая бледная...

Элен, не отвечая, качнула головой.

– Если бы ничего не случилось, ты не стала бы выгонять Коринну, – настаивала Беатрис. – Скажи мне! Ну же, скажи!

– Хорошо, – сдалась Элен. – Но только пойдем ко мне.

Оказавшись в комнате старшей сестры, Беатрис первым делом подбежала к портрету Шарля де Суи, послала ему воздушный поцелуй и повернула лицом к стене.

– Пусть не подслушивает, – серьезно объяснила она. – Теперь можешь рассказывать!

Элен опустилась на кровать.

– Отец хочет, чтобы я пошла к маркизу де Мортемару.

Она крепко сжала губы, будто испугавшись сказанного.

Несколько мгновений сестры молча смотрели друг на друга. На лице младшей сначала выразилось непонимание, затем она звонко рассмеялась.

– К маркизу? Ты будешь развлекать эту толстую жабу?

Элен изменилась в лице, и смех Беатрис оборвался.

– Постой! Уж не хочешь ли ты сказать...

Она внезапно сделала неприличный жест, который не полагалось знать юной девице благородного происхождения, не говоря уже о том, чтобы повторять его. Но Элен, не выказав ни малейшего возмущения, только кивнула.

Девочка ахнула.

– Нет, не может быть! Дева Мария, он же старый!

– И от него воняет, как от дохлой лягушки, полежавшей на жаре, – безжалостно добавила Элен. – Сколько бы он ни поливался дорогими духами.

– Ты не можешь!

– Я должна.

– Почему? Разве он возьмет тебя замуж?

Элен подумала и покачала головой:

– Вряд ли.

– Но тогда зачем же...

Девушка встала и подошла к окну, распахнула створку. Холодный воздух ворвался в комнату, поколебав огоньки свечей. Она несколько раз жадно вдохнула, будто хотела напиться.

– Зачем, Элен? – настойчиво повторила Беатрис.

– Думаю, отец что-то хочет получить от маркиза. Что-то очень важное. Он готов ублажать его как угодно, даже отдать ему меня.

Беатрис вскочила и босиком пробежала по холодному полу, обняла сестру.

– Бедная моя Элен... Не ходи!

Та осторожно высвободилась из объятий.

– Я не могу. Ты бы видела отца! Если бы я отказалась...

Она замолчала. Но Беатрис и без слов все поняла. Граф Гуго де Вержи всегда добивался своего, не брезгуя никакими средствами.

– Может быть, рассказать матери? – предложила девочка.

Глаза Элен яростно сверкнули.

– Тогда она сама возьмет меня за руку и отведет к этой жирной свинье.

В ответ младшая сестра лишь вздохнула. Обе знали, что Алиса де Вержи была прекрасной женой графу. Настолько прекрасной, что для хорошей матери в ней не оставалось места.

– Надеюсь, отец знает что делает, – заключила Элен.

Она достала из сундука длинную батистовую рубашку, приложила к себе и обернулась к зеркалу.

Ее мало пугало предстоящее. Как и Беатрис, она рано узнала об этой стороне жизни и испытывала скорее интерес, чем страх. Но при мысли о том, при каких обстоятельствах ей предстоит лечь в постель с Жаном Лораном де Мортемаром, Элен охватывали бессильная ярость и отвращение.

Она заметила, как он смотрел на нее во время долгого ужина. Что скрывать – ей нравилось его внимание. Пусть де Мортемар толст и некрасив, но от него исходит мощь и сила, как от свирепого животного. Будь Элен его женой, она преодолела бы свою брезгливость. Но ей, дочери графа де Вержи, идти к нему ночью, словно продажной девке! Удовлетворять похоть полупьяного кобеля! А если о ее позоре станет известно?

На миг Элен задумалась о том, чтобы нарушить жестокий приказ графа. Но вспомнила, как тот сжимал ее руку, и испугалась собственных мыслей. Нет, нет! Ее меньше страшит позор и унижение, чем гнев отца.

– Ты знаешь, что Жан Лоран станет делать с тобой? – прошептала Беатрис. Вид у нее был испуганный, но в глазах мелькнуло любопытство.

– То, что все мужчины проделывают с женщинами, – отрезала Элен. – А может, и что-нибудь похуже. Помоги распустить корсет!

– Расскажешь мне потом?

Тонкие пальчики неумело задержали шнуровку.

– Даже не подумая! Ой! Не тяни!

– А вдруг он захочет и со мной...

Беатрис не договорила: снаружи почтительно постучали.

– Если Коринна заявила сюда, я сверну ей шею, как курице, – пригрозила Элен.

Прижимая к себе ночную рубашку, она подошла к двери и распахнула ее.

– Ваша милость... – пробормотала растерявшаяся Николь, опускаясь в глубоком реверансе. – Простите, я хотела приготовить вашу постель.

– Входи.

Горничная выпрямилась и несмело проследовала за Элен. Наметанным глазом она ухватила беспорядок в комнате, запутавшуюся шнуровку корсета...

– Помоги мне раздеться, – приказала Элен. – От Беатрис мало толку.

Николь беспрекословно подчинилась. Ловкие пальчики быстро справились со шнурами сверху, но внизу пришлось повозиться.

Все время, пока Николь стояла за ее спиной, Элен не сводила глаз с их отражения в зеркале. Если бы горничная не сутулилась, они были бы одного роста. Правда, Николь смуглая, а Элен белокожая, зато если распустить им волосы, в полумраке девушек не различить.

У обеих широко расставленные глаза, и ямочки на щеках, и прямые брови. Вот только у дочери графа подбородок округлый, а у служанки острый, как у крысы. И уж конечно, пухлые и розовые, точно бутон, губы Элен и сравнить нельзя с лягушачьим ртом Николь. К тому же Элен пышногруда и полна в плечах, Николь худа, как селедка.

Но если прикрыть ее тело ночной рубашкой...

В зеркале Элен поймала обеспокоенный взгляд младшей сестры и обернулась к служанке.

– Послушай, Николь... Я хочу, чтобы ты сделала для меня кое-что.

Та осторожно сняла с нее корсет.

– Все, что угодно вашей милости.

– Надень!

Элен протянула ей батистовую рубашку, которую по-прежнему сжимала в руках.

– Ваше ночное платье? – Николь непонимающе взглянула на нее.

На миг в душе Элен зародилось зерно сомнения. Перед глазами поплыли воспоминания из далекого детства: вот они вместе с Николь и маленькой Беатрис носятся вокруг колодца, а запыхавшиеся няньки бегут за ними следом; вот Николь поет своим серебряным голосом, сложив руки на коленях; вот Николь заплетает ей косы, нежно, не дергая ни единого волоса.

До чего же много Элен знает о своей горничной! Знает, что когда Николь хохочет во весь свой лягушачий рот, видно, что резцы у нее сильно выдаются вперед. Что, задумавшись, она принимается грызть выбившуюся из-под чепца прядь волос. Что она фальшиво свистит, когда уверена, что ее никто не слышит.

От этих мыслей в груди старшей дочери графа поднялась волна возмущения. «Почему я думаю об этом? Разве мне есть дело до ее кривых зубов? Она всего лишь грязная девка, которой оказали великую честь, отмыв и взяв в дом. Пусть оплатит добром!»

Ей захотелось ударить Николь, сильно, до крови – лишь бы не видеть этой виноватой улыбки, вопросительно наклоненной головы с тонким темным завитком, выбившимся из-под чепца, обкусанным на конце до крысиного хвостика.

– Я чем-то не угодила вашей милости? – испуганно спросила Николь, уловив перемену в ее настроении.

Элен овладела собой. Сомнения прочь! Нельзя позволить чувствам погубить такой прекрасный замысел. Небольшая толика удачи – и у нее все получится.

Она доверительно наклонилась к горничной и придала голосу бархатистую вкрадчивость:

– Напротив! Я не могу никому довериться, кроме тебя.

– Элен... – неуверенно начала Беатрис.

– Не перебивай, дорогая. Так вот, Николь, ты нужна мне...

– Нет, не нужна! – снова вмешалась Беатрис.

– Стой здесь! – приказала горничной Элен, схватила сестру за руку и оттащила за ширму.

– Что ты делаешь? – зашептала девочка. – Элен, не надо!

– Заткнись! Или ты поможешь мне, или убирайся.

Беатрис заморгала, глаза наполнились слезами:

– Мне жалко ее!

– А меня? – прошептала Элен.

Девочка всхлипнула.

– Послушай... – Элен взяла себя в руки и утерла ей слезы с той же мягкостью, с какой чуть раньше это сделал отец. – Я все равно уговорю ее, с тобой или без тебя. Выбирай.

Беатрис бросила взгляд за ширму, где послушно замерла Николь, и закусил губу.

Элен наблюдала за ней, пытаясь понять, чем склонить девочку на свою сторону. Пусть Беатрис мала, но ее помощь может быть неоценимой.

– Через пару лет Николь найдет себе мужа, – начала Элен, подбирая слова. – Кто знает, кем он будет? Он может увезти ее из Вержи, и ты больше никогда не увидишься с ней.

Беатрис заволновалась.

– Не будет песен перед сном, – продолжала Элен увереннее, чувствуя, что она на правильном пути. – Не будет сказок. Ты навсегда потеряешь ее, милая.

Она помолчала, чтобы девочка прочувствовала весь ужас сказанного. Если не будет Николь, кто убаюкает маленькую Беатрис? Кто прогонит ее кошмары?

– Я не хочу... – прошептала Беатрис.

– Этого не случится, если Николь не выйдет замуж. А она не выйдет замуж, если пойдет к маркизу. Кому она будет нужна – опорочившая себя бедная девушка?

Судя по изменившемуся лицу Беатрис, девочка поняла и смысл речей старшей сестры, и всю выгоду, которую она может извлечь. Элен с волнением следила, как в душе младшей де Вержи сражаются себялюбие и милосердие.

– Хорошо, – решила Беатрис. И плаксиво попросила: – Обещай мне, что ей не будет больно!

– Обещаю! – с легким сердцем поклялась Элен.

Конечно, бедняжке Николь будет больно. Но разве страдания служанки можно сравнить со страданиями дочери графа?

Когда сестры вышли из-за ширмы, Николь выжидательно взглянула на них.

– Что вам угодно, ваша милость?

Элен с нежной улыбкой посмотрела на нее. «Ах ты мой черненький барашек... Барашек на закланье».

– Я хочу, чтобы ты примерила мою рубашку.

– Но я не смею...

– Я же сама тебя прошу.

Беатрис схватила Николь за руку:

– Пожалуйста-пожалуйста, Птичка! Ты должна нам помочь!

– Вы задумали какую-то шалость? – озадаченно спросила Николь, но подчинилась.

Элен знала, что так и будет. Никто, кроме отца, не мог противиться сестрам Вержи, если они чего-то хотели.

– Нет, вовсе не шалость. – Они уже раздевали Николь в четыре руки. – Это никому не причинит вреда.

Чепец полетел в одну сторону, унылое серое платье – в другую. «Словно утку ощипываем, – пришло в голову Элен. – Маленькую серую уточку...»

Она сунула ей свою рубашку:

– Быстрее!

Пока Николь не опомнилась, сестры натянули на нее нижнее платье, распустили девушке волосы. Сообразительная Беатрис принесла мягкие туфли из козьей кожи и заставила горничную снять ее собственные, простые и разношенные.

Спустя несколько минут преображение было завершено.

– Мою накидку, – скомандовала Элен. – Да нет же, Беатрис! Ту, что с капюшоном.

Николь стояла неподвижно, пока ей под подбородком завязывали бант. Только не смогла отказать себе в удовольствии провести ладонями по мягкой ткани.

Пальцы нащупали справа небольшую дыру.

«Шов разошелся, – подумала она. – Мари невнимательна, ей следует лучше следить за нарядами госпожи».

Отчего-то этот разошедшийся шов был неприятен Николь. В нем заключалась какая-то неправильность – так же, как и в том, что происходило сейчас. У дочери графа де Вержи не может быть рваной накидки. И дочь графа де Вержи не может переодевать горничную в свою одежду.

Элен незаметно схватила ее чепец.

– Быстрее, у нас мало времени!

В этот час они неизбежно должны были столкнуться со стражей замка. Но Элен предположила, что граф позаботился об этом, и не ошиблась.

Галерея была совершенно пуста. Три девушки почти бегом пересекли ее, взбежали по лестнице, миновали еще один коридор и оказались в восточной части замка.

Беатрис осторожно выглянула из-за угла и тут же спряталась обратно.

– Там вооруженный слуга у двери, – шепотом доложила она. – Что будем делать?

– То, что и задумали. – Элен по-прежнему была преисполнена решимости.

Сейчас, как никогда, она чувствовала, что ее план удастся. Все останутся довольны – и отец, и маркиз. А после, когда все закончится, она как следует вознаградит горничную.

– Слуга узнает, узнает ее! – заныла Беатрис.

– Она не будет снимать капюшон.

– Но сам маркиз!..

Николь молча переводила взгляд с младшей сестры на старшую.

– Он пьян, – напомнила Элен. – А она, когда войдет, сразу потушит свечи.

– Ваша милость, зачем мы здесь? – громче, чем следовало, спросила Николь.

– Чш-ш! – Беатрис прижала ладонь к ее губам. – Не кричи!

– Ваша милость...

Девочка попыталась снять капюшон, но Элен удержала ее руки.

– Маркиз пожелал, чтобы я пришла к нему на ночь, – быстро сказала она. – Отец не смог отказать ему. От расположения маркиза зависит судьба нашей семьи. Ты знаешь, что всего месяц назад был раскрыт заговор против короля?

Николь помотала головой. «Откуда тебе знать, глупышка, – про себя усмехнулась Элен. – Даже я знаю об этом лишь потому, что подслушала разговор отца и матери».

– Все заговорщики приговорены к казни, – продолжала она, крепче сжимая руки Николь. – Но несколько из них остались на свободе. Ты знаешь, что с ними будет, когда их отыщут?

– Но, ваша милость, при чем здесь...

– ...моя семья? Я скажу тебе, Николь. Маркиз хочет заслужить расположение короля, а заодно заполучить Вержи и Божани в свое распоряжение. Он узнал, что отец одолжил денег одному из заговорщиков – и собирается донести, что граф де Вержи поддерживал бунтовщиков!

Глаза Николь недоверчиво расширились. Элен заметила, что у стоявшей за ней Беатрис тоже вытянулось лицо.

«Я после объясню ей, что здесь правда».

– Но граф Гуго...

Элен не позволила обдумать ее слова.

– Мортемар ждет меня. Это единственная возможность спасти нашу семью. Умоляю тебя, Николь, только ты можешь это сделать!

Николь отшатнулась. Наконец-то она окончательно поняла, чего от нее хотят. Девочка попыталась вырваться, но Элен удержала ее.

– Прошу тебя, Николь! Если ты не сделаешь этого, мы с Беатрис закончим свои дни на плахе.

Николь обернулась к Беатрис. К счастью для Элен, ее рассказ испугал младшую сестру не меньше, чем служанку. Девочка была так бледна, словно ее уже вели на эшафот.

– Спаси Беатрис! – шепнула Элен, закрепляя успех. – Спаси ее! Это можешь только ты! И, не давая Николь времени одуматься, подтолкнула ее в спину.

Стражник обернулся. Но Элен предусмотрительно надела чепец Николь и сдвинула его низко на лоб, а платье скрывал длинный темный плащ.

Человек, охранявший покой маркиза Жана Лорана де Мортемара, увидел всего лишь двух девушек, служанку и госпожу. Нечто странное почудилось ему в том, как они приближались: служанка как будто силком гнала свою хозяйку к двери. Но в галерее было не слишком светло, и он решил, что ему показалось.

Он знал, что его господин сластолюбив и распутен. Маркиза не устраивали дорогие шлюхи с пышной грудью, бесстыже выставлявшие напоказ свои налитые прелести. Он не желал и простолюдинок с вислыми задницами, на которых заглядывался весь отряд. Где бы они ни останавливались, Жан Лоран требовал молоденьких курочек.

Что ж, похоже, эта ночь выйдет для его господина веселой.

– Его светлость ждет, – негромко, но твердо сказала служанка. Таким голосом отдают распоряжения и приказы. Но стражнику понравилась настойчивость этой крошки.

«Должно быть, не терпится отделаться от госпожи и самой задрать юбки в укромном местечке».

– Я доложу его светлости, – важно кивнул он.

В жарко натопленной комнате на кровати под роскошным балдахином – шелковым, с вышитыми серебряными звездами – оглушительно храпел маркиз де Мортемар.

Слуга постоял в сомнении, но все же решил, что утехе господину важнее сна.

– Ваша светлость! К вам гостья.

Надо отдать должное де Мортемару: тот проснулся немедленно. В каком бы состоянии ни засыпал маркиз, на пробуждение ему не приходилось тратить усилий. Налитые кровью глаза остановились на стражнике.

– Что ты сказал? – хрипло выдохнул Жан Лоран. – Повтори.

– Там у дверей девица, ваша светлость. Что с ней делать? Отправить восвояси?

Некоторое время маркиз бессмысленно смотрел перед собой.

– Девица... – наконец повторил он без выражения. – Кто такая?

Слуга не успел ответить. Сообразив что-то, Жан Лоран причмокнул и с удовольствием похлопал себя по ляжке.

– Я тебе дам восвояси! Пусть войдет.

Низко поклонившись, стражник попятился и вышел. Он распахнул дверь перед девушкой в накидке и со всей учтивостью сообщил:

– Его светлость ждет!

Но, сделав нетвердый шаг, та вдруг встала, как вкопанная. Губы ее задрожали. Она вцепилась в рукав своей служанки и, кажется, собралась бежать.

Подавшись к ней, служанка шепнула пару слов. Мужчина наострил уши, но ничего не расслышал. Что бы ни сказала горничная, фраза ее произвела магическое воздействие: госпожа обмякла и, низко опустив голову, шагнула в покои маркиза.

Закрыв тяжелую дверь, мужчина подмигнул горничной:

– А ты ничего, милашка! Не хочешь вместе скоротать ночку?

Та даже не взглянула на него: развернулась – и скрылась за углом. Слуге почудилось, будто оттуда донесся шепот и шуршание платьев. Но он лишь пожал плечами и прислонился к стене поудобнее. До утра еще далеко...

Глава 5

В первый миг оцепеневшая от страха Николь увидела лишь медвежью шкуру, приколотую к стене, а под ней – небрежно брошенный на пол красный камзол. Будто лужа крови натекла с убитого зверя.

Дурной знак!

Николь пыталась сделать шаг, но ноги от страха стали студенистыми.

От чужой одежды, в которую ее обрядили, пахло до отвращения сладко, и девочку затошнило. Глупая, глупая! Почему она не сбежала, когда поняла, чего хочет от нее Элен?

А теперь поздно. Оскаленная голова убитого зверя таращится на нее стеклянными глазами, словно предупреждая: «И тебе висеть рядом со мной, если выдашь себя!»

Из оцепенения горничную вывел хриплый бас:

– Иди сюда, красавица! Не заставляй меня ждать.

Николь вздрогнула и повернулась. За синей завесой шелкового полога виднелся силуэт, показавшийся ей огромным.

Она приблизилась к ложу, переставляя ноги с таким трудом, словно ее заковали в кандалы. Человек за пологом заворочался и начал подниматься. Еще миг – и он увидел бы ее. Отпрянув, Николь схватила со столика канделябр и отчаянно принялась задувать свечи.

Капли оплавившегося воска потекли ей на руку, но боль не могла остановить Николь. Восьмая свеча, десятая, одиннадцатая... Святая Мария, сколько же их здесь!

Наконец погас огонек последней.

– Любишь темноту, милая? – сочно рассмеялся маркиз.

Полог раздвинулся, две мощных руки высунулись оттуда, будто лапы великана из пещеры, схватили Николь и затащили внутрь. В нос ей ударил запах перегара и острого мужского пота. Шершавые ладони скользнули по ее телу, задирая накидку и тонкую рубашку. Николь зажмурилась.

– Сними! – коротко приказал Жан Лоран.

Дрожащими пальцами девочка развязала бант, откинула капюшон, и накидка полетела в сторону. В камине тлели угли, но они давали слишком мало света, чтобы можно было разглядеть ее лицо.

– Тошевата, – проворчал маркиз, облапив ее. – Ну-ка подожди...

Он встал, протопал к двери. Что-то проскрежетало, и Жан Лоран вернулся обратно. Сопя, он забрался под полог, навис над Николь и взялся обеими руками за кружевной воротник ее рубашки. Когда мужчина с силой развел руки, атласные завязки с треском лопнули и девочка вскрикнула от неожиданности.

«Дева Мария, умоляю, пусть это побыстрее закончится. Только бы побыстрее. Только бы побыстрее».

– Не вздумай кричать, я этого не люблю... – заскоружные пальцы шарили по ее телу. – Тебе очень повезло, малютка.

Схватив девочку за бедра, Жан Лоран рывком перевернул ее на живот. Николь проехала лбом по деревянной панели и втянула воздух от боли.

Точно таким же коротким резким шипением отозвался сзади маркиз.

Николь почувствовала, что его пальцы разжались. Она напряглась, готовясь к какому-то новому, неизвестному ужасу, но ничего не последовало.

Негромкий стон заставил ее обернуться.

Маркиз замер на кровати, прижав руку ко лбу. В полумраке он был похож на огромного розового младенца.

Стон повторился. Жан Лоран де Мортемар повалился на бок и, скривившись, уткнулся лбом в ладонь.

– Проклятое вино, – сквозь зубы процедил он.

Поворочал шеей и тяжело поднялся, явно сделав над собой усилие.

– Ложись!

Николь помедлила.

– Я сказал, ло...

Не договорив, маркиз прошипел «о, дьяволыщина!» и схватился за висок.

Перед Николь забрезжил призрак надежды. Дрожа от страха, она все же нашла в себе силы спросить:

– Что с вами, ваша светлость?

Вместо ответа маркиз обрушил на нее поток площадной брани. Излив душу, он оскалил желтые зубы и зажмурился.

Николь отползла в сторону. Она с детства знала: если рядом с тобой зверь, испытывающий боль, уйди подальше. Иначе он дотянется до тебя, и тогда не поздоровится уже тебе...

– Ваша светлость... Может быть, я могу помочь?

– Можешь, если ляжешь и раздвинешь ноги!

На этот раз Николь не подчинилась. Старательно следя за голосом, чтобы не дрожал, она выговорила:

– Вас мучает головная боль, ваша светлость? Обо мне говорят, что я могу руками излечить ее. Позвольте мне, прошу вас.

Воцарилось молчание, нарушаемое лишь тяжелым силным дыханием. С каждым выдохом Николь обдавало вонючим облаком винных паров.

Наконец маркиз протянул руку к Николь, ухватил ее за локоть и подтянул к себе. Вторую руку Жан Лоран положил ей на грудь и сильно сжал.

– Такое случается от паршивого вина, – сказал он, дыша ей в лицо.

– Я могу помочь, – прошептала Николь, едва терпя, чтоб не морщиться. – А потом мы... – она собралась с силами и закончила: – ...мы вернемся к тому, с чего начали.

Жан Лоран помолчал. Затем нехотя отнял ладонь от ее груди и буркнул:

– Попробуй.

И, видя, что она медлит, сам прижал ее руку к своему лицу.

Первым побуждением Николь было отдернуть пальцы от горячей потной кожи. Но она удержалась.

– Если ты солгала мне, красавица, я прикажу отрубить тебе ноги, зажарю их и заставлю тебя съесть.

Прежде, чем Николь успела подумать, с губ ее сорвалось:

– Вряд ли они придутся мне по вкусу, хоть жареные, хоть свежие.

Маркиз издал короткий смешок и подался вперед, пытаясь разглядеть ее лицо. Николь перепугалась до смерти: если он поймет, что перед ним не дочь графа, завтра ей будет не до ног – остаться бы с головой на плечах.

– Пожалуйста, прилягте на подушку, ваша светлость, – пролепетала она. – Вам будет легче.

Поколебавшись, Жан Лоран подчинился.

– Закройте глаза.

Николь опустила обе ладони на лоб маркиза. Уняла предательскую дрожь.

На память ей пришла старинная песенка, которую в Вержи пели на ночь маленьким детям. Песенка была совсем немудреная, да и коротенькая, но Николь все равно не могла больше ничего ни придумать, ни вспомнить.

Чуть ночь за окном
Под окошком ходит гном.
Колокольчик динь-дон,
Он приносит сон-сон.

Несколько раз она пропела про колокольчик и сон, каждый раз все тише и тише.

Чуть свет у ворот,
За окошком бродит кот.
Тихо, словно тень-тень,
Он приносит день-день.

– А ты не врала, – сонно заметил маркиз. – Паршивое вино твоего отца больше не гудит в моей несчастной голове.

Не отвечая ему, Николь закончила:

Так и бродят круглый год
Гном и кот, гном и кот.
Так и бродят под окном
Кот и гном, кот и гном...

Она спела песенку снова, с самого начала, каждый миг ожидая гневного рыка маркиза.

Николь прижимала руки к его голове, представляя, что из ее пальцев вырастают, извиваясь, побеги хмеля, исподволь оплетают голову мужчины, тянут ее к подушке, и вот уже он погружается в тягучую дрему, убаюканный темно-зелеными волнами. Она видела огромного дымчато-серого кота с глазами как янтарь, светящимися в темноте, и малютку гнома из тех, что обитают в заброшенных мышиных норах. Колокольчик на его колпаке позвякивает, травы льнут к земле под серебристый звон. А после, крадучись, проходит кот, мурлыча песню в усы, и ночной сумрак развеивается за ним, будто клочья тумана.

Николь пришла в себя оттого, что дотронулась плечом до полога. Легкое прикосновение сразу разбудило девочку.

Ее саму одолел сон!

Маркиз де Мортемар крепко спал на спине, раскинув руки в стороны. Из угла приоткрытого рта стекала ниточка слюны. Глубоко в горле зарождался и клекотал храп.

Николь осторожно провела ладонью над лицом маркиза. Хвала Марии, спит как ребенок! Она даже решилась дотронуться до мощного, шириной в три ее собственных, волосатого запястья.

Маркиз не отдернул руку, но поморщился и перестал храпеть. Николь как ветром сдуло с постели. Она спряталась за столиком, на котором растопырил витые серебряные лапы канделябр, и затаила дыхание, наблюдая за спящим.

Но ничего страшного не последовало. Когда лоб Жана Лорана разгладился, а храп возобновился, Николь выбралась из-за столика и задернула полог. Оказавшись отделенной от маркиза тонкой тканью, она почувствовала себя в относительной безопасности.

Что ж, теперь можно поразмыслить над своим положением.

Девочка забралась в кресло из телячьей кожи и обхватила колени руками.

Маркиз не будет спать вечно. Когда он очнется, подмена неизбежно откроется, и вспылчивый Жан Лоран де Мортемар обрушит свой гнев на всех обитателей замка.

Нужно исчезнуть до того, как он придет в себя.

«Я расскажу Элен, что маркиз уснул, – решила Николь. – Пусть теперь она думает, что соврать».

Девочка сползла с кресла, отыскала на полу рубашку, накидку и туфли. Обувшись и кое-как затянув порванный ворот, Николь подошла к двери.

Здесь ее ожидало ужасное потрясение: дверь оказалась заперта изнутри на ключ. Маркиз де Мортемар не желал, чтобы его ночные утехы прервали.

Николь вспомнила, как он протопал к двери, оставив ее ждать в постели. Но куда делся ключ потом?

Она обыскала всю комнату. Забыв о страхе, забралась под балдахин и перерыла одеяло и простыни. «Дева Мария, помоги мне!»

Но после изнурительных поисков стало ясно, что Дева Мария не поможет. Ключа нигде не было.

Бессильно уронив руки, Николь села возле спящего маркиза и с тоской уставилась на него. Неужели придется ждать его пробуждения? Выходов отсюда только два – дверь и окно.

Впрочем...

Окна покоев, отведенных маркизу, выходили на крышу амбара. Николь высунулась наружу и посмотрела вниз. Ох, как далеко! Графская дочь никогда бы не осмелилась прыгнуть с такой высоты. Сказать по правде, и сама Николь, безбоязненно лазившая по всему замку, вряд ли решилась бы на такой прыжок. Разве что в этом крыле разгорится пожар...

Николь трижды сплюнула через левое плечо и пять раз крутнулась на правой ноге, чтобы заморочить дьявола. Пусть у него закружится голова и он не исполнит нечаянно оброненных Николь слов. Не нужно пожаров в Вержи! Хватит того, что случился четырнадцать лет назад.

Что ж, побег откладывается. Николь посидела на краю кровати, предаваясь размышлениям о том, как именно расправится с ней рассерженный маркиз.

Но это ей быстро прискучило.

«Пока горя нет, горевать нечего, – сказала себе Николь. – А иначе как начнешь печалиться раньше времени, так горе и придет к тебе, раз уж его ждут именно здесь».

Подумав так, она зажгла свечи на увесистом канделябре и отправилась изучать временную темницу.

Когда-то над этой комнатой потрудились мастера-краснодеревщики и художники. Стены были обиты дубовыми панелями с богатой резьбой и декорированы сафьяновыми вставками. На потолке художник изобразил трех ангелов, парящих среди облаков.

Задрав голову, Николь внимательно рассмотрела ангелов и очень удивилась. Самый крупный ангел обладал фигурой совершенно женской, с грудью, талией, округлыми ягодицами и даже ямочкой над ними. Второй, поменьше, телосложение имел более приличествующее посланнику господу, однако его пухлая ручка отчего-то лежала на ягодице первого. А третий и сложение имел подобающее, и руки держал при себе, однако на лице его играла улыбка, которую Николь, не будь перед ней безгрешное создание, назвала бы блудливой.

Срам один, а не ангелы.

Громоздкие сундуки у стены были заперты крепкими замками. Шпагу в ножнах, висевшую на стуле, Николь обошла далеко стороной. А вот предмет на столе заставил ее приблизиться: длинный блестящий кинжал с рукоятью, украшенной двумя крупными синими камнями. Даже при неярком свете камни сверкали так, что хотелось сощуриться.

Николь понимала: одна эта вещь стоит больше, чем все содержимое комнаты. Она благоговейно взяла оружие. Рукоять кинжала была холодна, как лед. Обоюдоострый прямой клинок тускло сиял, будто пытаясь рассеять полумрак.

Николь не удержалась: плотно обхватила рукоять, выставила кинжал перед собой, точно шпагу. Она даже помахала им немного, подражая мальчишкам, что сражались на палках.

Однако красивое оружие оказалось тяжелее, чем самый здоровый тесак с кухни. Полюбовавшись еще немного на синие камни, девочка положила кинжал на место и вернулась в кресло.

Что ж, выбраться через дверь она не может, раз маркиз спрятал ключ. Удрать через окно – и подавно. Что остается? Только ждать.

Когда луна проплыла по небу и повисла над главной башней, покачиваясь в быстро бегущих облаках, точно спелое яблоко на ветке, Николь проснулась. Она снова задремала – на этот раз от усталости.

Маркиз по-прежнему храпел. «Хорошую песню я ему спела, хватит до утра. Что же, мне сидеть здесь до рассвета?»

Николь потянулась и потерла глаза. Где же может быть ключ? Кажется, она всюду искала...

Доносящийся с постели храп стал громче, и Николь вдруг поняла, что искала она не везде.

Она мигом перебралась на постель. Свечи в канделябре давно оплыли и потухли, пришлось зажечь новые. Фитильки вспыхнули ярко и радостно, словно хотели помочь Николь.

Девочка раздвинула полог, чтобы на кровать падало больше света, и склонилась над спящим маркизом. В распахнутом вороте нижней рубашки виднелся какой-то шнурок.

Уж не на шею ли Жан Лоран повесил ключ?

Николь очень медленно и осторожно расстегнула еще пару пуговиц. Пальцам привычнее было иметь дело со шнуровкой, но она справилась. Маркиз дважды переставал храпеть, и каждый раз она замирала в страхе. Но он лишь набирал воздуха и издавал новую руладу.

«Ключ! Пусть это будет ключ!» – умоляла про себя Николь.

Но, расстегнув рубашку, поняла, что ошиблась. На шнурке висел небольшой мешочек – тот самый, о котором Жан Лоран рассказывал за ужином.

Николь взвыла бы от огорчения, если бы не боялась разбудить маркиза. Как она могла забыть? Да и кому взбредет в голову вешать на шею ключ от комнаты? Разве что такой дурочке, как она!

Николь начала застегивать пуговицы. Боже упаси, если маркиз, проснувшись, решит, что она обыскивала его.

Зажав в пальцах нижнюю пуговицу, она внезапно заметила, что мешочек наполовину истлел. Его носили долго, не снимая. Сквозь ветхую ткань поблескивало что-то черное, похожее на чешую молодой гадюки.

Николь придвинулась ближе, пытаясь понять, откуда этот блеск. Так не блестят ни золото, ни серебро, ни драгоценные камни. Николь насмотрелась на украшения за то время, что прислуживала дочерям графа.

«И это вовсе не земля».

Зачем маркиз де Мортемар солгал?

Содержимое мешочка притягивало взгляд Николь. «Я только посмотрю, – оправдываясь, подумала она. – Ведь если там не земля, то что же?»

Она ослабила узел, затянутый на горловине ладанки, и очень осторожно потрясла ее, не выпуская из рук. На ладонь ей выскользнул... Камень?

В первый миг Николь удивилась, во второй испытала разочарование.

Всего лишь камень. Глубоко черный, без малейших проблесков – видно, ей почудилось. Одно необычно: по ровной поверхности ползет красная прожилка, разветвляется на множество тонких ручейков – и обрывается.

Николь повертела камешек, пытаясь догадаться, зачем маркизу де Мортемару носить его с собой. Может быть, это тоже реликвия? Не найдя ответа, она пожала плечами и вернула

камень на место. Красная прожилка завилась под ее пальцами, точно крохотная змейка. Николь перехватила мешочек поудобнее и принялась затягивать узел.

В этот миг Жан Лоран открыл глаза.

Николь в ужасе уставилась на него. Взгляд маркиза, сперва мутный, вдруг приобрел пугающую ясность. Несколько мгновений он смотрел на нее, не узнавая, затем отпрянул, не понимая, что за встрепанное существо сидит перед ним.

Раздался негромкий треск. Шнурок порвался, и камень в полуистлевшей оболочке остался у Николь в руке.

«Он отрубил мне ноги, изжарит и заставит съесть их!»

Девочка спрыгнула с кровати и рухнула на колени:

– Простите, ваша светлость! Клянусь вам, я не нарочно!

Но маркиз не услышал ее. Он судорожным движением прижал руку к груди, будто проверяя, бьется ли сердце. Глаза его расширились, губы беззвучно зашевелились. Жан Лоран де Мортемар лихорадочно оглядел постель, и взгляд его упал на обрывок шнура.

Утробный рык сотряс комнату.

– Я виновата, ваша светлость, – заикаясь, пролепетала Николь. – Позвольте мне объяснить...

Вздрогнув, маркиз посмотрел на коленопреклоненную девочку. Снова перевел взгляд на оборванный шнурок. Тень понимания скользнула по его лицу, и Жан Лоран медленно начал приподниматься с постели.

– Подлая тварь... – прошептал он. – Воровка...

– Нет, ваша светлость, клянусь вам!

– Кто тебя подослал? Отвечай, дрянь!

Он спрыгнул с кровати и пошел на нее, багрово-красный от бешенства. Лицо его искалось, глаза налились кровью, как у буйного быка.

Николь вскочила с колен и в ужасе отступила.

– Никто!

– Куда ты его спрятала?

– Что?

– Отвечай! – проревел маркиз.

– Я не понимаю!

– Ты уже отдала его своим сообщникам? Где они? Когда это случилось?

– Я ничего не знаю, клянусь, ваша светлость! Я не хотела дурного...

Жан Лоран де Мортемар остановился. Толстые губы раздвинулись в подобии улыбки.

– Не хотела дурного... – повторил он. – И ты ничего не знаешь. Что ж, в это можно поверить.

Николь перевела дух. Хвала Марии, он понял, что она не лжет!

Не тратя слов, маркиз выхватил шпагу из ножен и взмахнул ею прежде, чем Николь успела что-то добавить.

Девочка уклонилась, как сотни раз уклонялась от палок, заменявших сабли Матье и его приятелям. Это и спасло ее. Острие вспорол воздух в дюйме от ее горла.

Не веря своим глазам, Николь уставилась на маркиза. Святой Франциск, он едва не убил ее!

– За что, ваша светлость?!

Его светлость снова легко, будто играючи, вскинул шпагу. Кончик ее просвистел в воздухе, как свистит рассерженная гадюка. На этот раз выпад достиг цели.

Острая боль обожгла чуть ниже плеча. Николь вскрикнула и отскочила.

– А ну иди сюда, – позвал маркиз и вздернул верхнюю губу.

Этот оскал больше, чем нанесенная рана, убедил Николь, что пощады ей ждать не стоит. Жан Лоран де Мортемар сошел с ума. Быть может, виной тому слишком крепкое вино из подвалов Гуго де Вержи или полнолуние, пробудившее в маркизе дьявола.

Если бы Николь верила, что ее смерти желает сам маркиз, она не смогла бы сопротивляться. Но Мортемаром овладели бесы! Они направляют его руку, ведь она не сделала ничего, что могло бы вызвать столь жуткую ярость.

Бесов Николь тоже боялась. Но с ними она готова была сражаться.

Девочка изо всех сил ударила ногой по столику, и тот опрокинулся. Упал канделябр, горящая свеча ткнулась в брошенный на полу камзол. Огонь сперва робко пробежал по рукаву, затем, осмелев, лизнул ворот – и вдруг вскинулся вверх длинной плетью. Горячая красная пасть жадно распахнулась, и весь камзол запыхал, пожираемый пламенем.

Жан Лоран обернулся. Воспользовавшись короткой передышкой, Николь подбежала к двери и заколотила в нее.

– Спасите! Помогите, горим!

Она вовремя заметила тень на двери и успела отскочить. Шпага вонзилась в доску там, где только что было ее плечо.

– Помогите! – в ужасе закричала Николь. – Кто-нибудь!

Не сводя с нее безумных глаз, в которых отражалось пламя, маркиз сдернул со стены медвежью шкуру и набросил на камзол. Огонь притих.

Маркиз удовлетворенно кивнул и быстрыми шагами пошел на Николь. Теперь между ними не было столика, и ей оставалось только пятиться, надеясь на чудо.

Вместо чуда под ногу подвернулось что-то твердое, и Николь упала на спину. Ее и Мортемара разделяло не больше трех шагов. Девочка поползла назад, и вдруг рука ее наткнулась на то, что послужило причиной падения.

Кинжал с двумя синими камнями на рукояти.

Жан Лоран поднял шпагу, целясь ей в грудь, и тогда Николь молча швырнула кинжал ему в лицо.

Тяжелая рукоять ударила маркиза в переносицу. Он пошатнулся и вскрикнул: боль на несколько мгновений ослепила его. И пока Жан Лоран стоял, прижав руку к лицу, Николь вскочила, бросилась к окну и выпрыгнула наружу.

Никогда прежде ей не доводилось падать с такой высоты. Сердце ухнуло и провалилось в живот, кожу опалил ледяной ветер. «Я умру...» – успела подумать Николь за миг до того, как ее ударило о соломенную крышу амбара.

Раненую руку как будто вновь пронзили раскаленным острием. Она закричала и на короткое время потеряла сознание.

Но солома смягчила удар. Николь подбросило вверх, она покатилась вниз по крутому скату. Пальцы тщетно цеплялись за солому: ей не хватало сил, чтобы удержаться. Докатившись до края крыши, Николь рухнула вниз и повалилась на бок.

Сознание ее вновь погрузилось во тьму.

Когда Николь пришла в себя, ей показалось, что она пролежала неподвижно очень долго. Тело ооченело. Только плечо горело, будто объятые огнем.

Вверху в башне кто-то высунулся в окно, замелькали факелы в галерее. Тишину ночного двора нарушил протяжный вопль:

– Найти ее!

«Мортемар!»

Николь поднялась, застонав от боли, схватилась здоровой рукой за стену. Скорее, скорее, прочь отсюда! Страх преследуемого зверя гнал ее. Спрятаться, скрыться, пересидеть облаву!

Пошатываясь, девочка бросилась бежать. Но мчалась она не прочь от замка, а к нему. Держась возле стены, чтобы не выходить на свет, Николь пересекла двор, спустилась по каменным ступеням, откинула засов и нырнула в приоткрывшуюся темную щель.

Крики сразу стали глуше. Николь опустилась на ближайшую скамью, пытаясь усмирить колотившую ее дрожь. Весь рукав ночной рубашки был залит липкой кровью. Стиснув зубы, она оторвала подол и наспех перевязала рану.

Со стороны Николь было чистейшим кощунством прятаться в фамильной церкви де Вержи, но у нее не было иного способа пробраться в замок.

Часовня дальней стеной примыкала к жилым помещениям. Главный вход, которым пользовалась Николь, выходил на малый двор. Даже во время осады граф и его семья должны иметь возможность молиться о спасении души и тела.

Но был и еще один вход. Священник приходил на богослужения прямо из замка, из комнаты, что была отведена ему в южном крыле.

Молясь о том, чтобы он не закрывал на ночь этот проход, Николь бросилась в глубь часовни.

Она двигалась почти бесшумно, но ей казалось, что топот ее ног слышен даже в опочивальне графа. Эхо отражалось от стен, святые смотрели на нее с суровостью судей: «Что ты здесь делаешь, Николь Огюстен? Как ты посмела явиться сюда?»

Николь всхлипнула. Она ни в чем не виновата!

«Виновата! – откликнулись статуи. – Грязное подзаборное отродье! Ты посмела заявиться к маркизу, пролезла к нему в постель. Ты пыталась похитить его реликвию. Разве не заслужила ты смерти?»

Николь даже остановилась. Святой Франциск! Должно быть, со стороны все выглядит именно так.

– Но это не я... Меня заставила Элен!

«Разве можно заставить порядочную девушку отправиться ночью к мужчине? Нет, голубушка, ты потаскуха, и всегда такой была!»

Николь внезапно осознала, что ей знаком голос, звучащий в ее голове. Нянюшка Коринна!

– Не буду слушать тебя, не буду! – пробормотала она, плохо понимая, что говорит.

Свернув за колонну, она поискала глазами дверь в стене. Но чернота была сплошной – ни единого проблеска.

У входа в часовню послышались голоса.

Страх придал Николь сил. Она помчалась вдоль стены, ведя по ней рукой, и чуть не проскочила выход. Вот же он! Девочка толкнула обитую железом дверь, но та не открылась.

Заперта! И слуги маркиза де Мортемара все ближе. У них лампы и факелы, от которых не спрячешься в тени.

От отчаяния Николь ударилась в дверь всем телом, и вдруг та вздрогнула и подалась.

Эхо шагов еще не успело стихнуть в часовне, а Николь уже неслась по запутанным коридорам южного крыла.

Глава 6

Луна плавала в облаках, как толстый карась. Золотистый копченый карась из тех, что подавали маркизу на ужин.

Стоило Николь вспомнить о вчерашнем ужине, к горлу поднялась тошнота.

Девочка лежала на крыше южной галереи, прильнув щекой к шершавой черепице. Лишь в этой части замка труба водостока на краю ската была такой широкой, что за ней можно было спрятаться.

Она и представить не могла, что придется скрываться именно здесь.

Когда Николь выбралась из часовни, бег ее не был бесцельным.

Пару лет назад Бернадетта упростила выделить ей одну из пустующих комнат южной галереи. Никто не стал возражать. С тех пор старуха сваливала там всякий хлам.

Расползшиеся дряхлые коврики, проеденный молью гобелен, плесневелая простыня – все это Бернадетта, как запасливая мышь, относил в свою каморку. Она твердо знала, что когда-нибудь – когда будет чуть меньше дел – у нее дойдут до них руки.

Бернадетта была очень экономна.

Наружный засов на двери каморки не использовался – никто не заботился о сохранности старья. Но Николь знала, как можно закрыть его изнутри.

«Я спрячусь там и подожду, пока все утихнет».

Она надеялась, что никому не придет в голову искать ее в запертом снаружи чулане. А еще больше уповала на то, что маркиз проспит, и к утру мысли о мести улетучатся из его головы вместе с бесами.

Конечно, ее накажут. Ей предстоит объяснять, как она оказалась в постели Жана Лорана де Мортемара. Но все это случится потом, а сейчас ей необходима передышка.

Добравшись до чулана, Николь присела на корточки и нащупала почти истлевшую доску. Без труда оторвала длинную щепу, которой собиралась задвинуть засов изнутри, поднялась и толкнула дверь кладовки.

Слишком поздно она заметила в углу приглушенный свет лампы и почуяла запах горелого сала. На нее налетела, как стервятник, тощая фигура, оттолкнула к дальней стене. Не успела Николь ахнуть, как дверь захлопнулась.

– Я знала, где тебя ждать, Николь Огюстен, – удовлетворенно прошипела Бернадетта. – Думала, никого поумнее тебя не найдется? Держи карман шире.

Старуха вцепилась Николь в плечо, и девочка вскрикнула.

– Что там у тебя? – резко спросила ключница.

– Он меня ранил.

– Врешь! Ты сама ободрала руку, пока носилась, как драная кошка!

Она рывком сорвала повязку, и с губ Николь слетел стон.

Бернадетта изменилась в лице.

– Бесовы подштанники! Так это правда.

Она поднесла лампу поближе к плечу Николь и озадаченно зацокала языком.

– Ну-ка, сядь!

Николь не села, а повалилась на хромоногую скамью.

Некоторое время Бернадетта рассматривала глубокий кривой порез. Потом оторвала лоскут от нижней рубашки девочки и протянула ей:

– Плюй! Да как следует!

Но в горле у Николь пересохло. Она не понимала, чего хочет от нее злая старуха, и лишь покачала головой.

– Чтоб тебя! – выругалась та и сама смачно плюнула на тряпку. – Сиди тихо!

Закрепив лампу на полке, Бернадетта протерла кровь вокруг раны, сложила лоскут вдвое и сноровисто перевязала предплечье. На тряпице сразу расплылось бледно-красное пятно.

– Чем ты разозлила маркиза?

Николь покачала головой.

– Не знаю. Он был пьян, когда проснулся и увидел меня.

– А ты где была?

– Я сидела рядом с ним... на постели. – Старуха хмыкнула, но Николь предпочла не обращать на это внимания. – Он открыл глаза и словно взбесился.

Бернадетта проницательно взглянула на нее.

– Что-то ты недоговариваешь. Мало какой мужчина, обнаружив в своей постели хорошенькую мордашку вроде тебя, схватится за нож.

– За шпагу, – поправила Николь. – Это была шпага.

Она закрыла глаза. У нее не осталось сил, чтобы упрашивать одноглазую ведьму о жалости. Пускай Бернадетта зовет слуг – ей все равно.

Но вместо того, чтобы сдать добычу в руки маркизу и получить награду, старуха больно ткнула девушку в бедро:

– Поднимайся! Нечего расслаиваться. Если я догадалась, куда ты пойдешь, то и они догадаются.

– Никто не знает об этом укрытии, кроме Мари! – слабо возразила Николь.

– Твоя Мари первая выдаст тебя. Вставай!

– Подожди!

Но Бернадетта уже волокла Николь к двери.

Горничная остановилась и сама схватила ее за руку:

– Что ты делаешь?

– Спасая твою куриную голову, Николь Огюстен, – проворчала та. – Куда это годится – резать молоденьких девчонок! Будь ты хоть сам король, негоже так поступать со слугами в чужом доме. Постой-ка...

Старуха отошла и зарылась в груды тряпья. Вернулась она, волоча за собой истрепанную рванину, в которой Николь, приглядевшись, узнала охотничий плащ графа, подбитый мехом. Когда-то плащ был роскошен, но время превратило богатую ткань в жалкие обноски, а моль завершила дело, обглодав их со всех сторон.

Бернадетта приоткрыла дверь, высунула нос наружу и принялась. «Значит, правду говорят, что она своим острым длинным носом чует не хуже крыс и может с закрытыми глазами отличить одного человека от другого по запаху».

– Ты прошла через часовню? – приглушенно спросила старуха.

Николь кивнула.

– Так я и думала. Если не наследила, они не сразу поймут, куда ты делась. Возьми! – Она всучила Николь плащ.

– Зачем?

– Тебе придется выбираться наружу. Внутри оставаться нельзя. Если, конечно, не хочешь, чтобы маркиз насадил тебя на свою шпагу, как куропатку на вертел.

– Я ни в чем не виновата...

Бернадетта приблизила к ней лицо и зашептала:

– Не говори мне, девочка, что ты не знаешь, где спрятаться. Подумай хорошенько и сообщи. Только молчи, не болтай попусту языком. Он у тебя и без того слишком длинный.

– Я спрячусь, – прошептала в ответ Николь. – Но что потом?

– Маркиз к утру опамятуется и отменит свой приказ. За ним успокоится и граф. Или ты не заметила, что наш хозяин готов выполнить все, что гость ни потребует? Грех говорить такое, но коли маркиз де Мортемар захотел бы, чтобы Гуго де Вержи сплясал на крыше голышом, так граф, поди, уже снимал бы с себя исподнее.

Бернадетта подтолкнула девушку в спину крепким кулаком.

– Не стой как овца!

Отвернувшись и заковыляла прочь, подняв лампу над головой.

На благодарности не оставалось времени. Накинув на плечи тяжелый пыльный плащ, Николь торопливо пошла в другую сторону.

Бернадетта уверена, что ей удастся спрятаться хотя бы до утра. Но дворы наводнены людьми, и если старуха сказала правду, на поиски Николь сейчас поднимут весь замок.

Значит, нельзя оставаться ни в замке, ни во дворах.

Крепостная стена охраняется днем и ночью, туда и подавно не сунешься.

Что остается?

На крышу Николь забралась по выщербленной стене южной галереи. Путь, который она всегда преодолевала играючи, на этот раз дался ей с большим трудом: ныла рана, да еще и плащ висел на плечах бесполезным грузом, тянул вниз.

Но, оказавшись наверху, Николь в полной мере оценила предусмотрительность старухи.

Между трубами бродил голодный ветер, крутился вокруг главной башни, как бродячий пес возле кухни: ждал, не распахнутся ли ставни, чтобы радостно взвыть и ворваться внутрь, хватая все, что подвернется по пути.

Нагревшаяся за день черепица к ночи остыла. Тонкая рубашка не спасала от холода.

Тут-то и пригодился плащ. Закутавшись, девочка вытянулась вдоль водосточного желоба, чтобы высокий бортик закрывал ее.

Со всеми приготовлениями она едва успела: черное пятно двора внизу осветилось факелами, замельтешили огни. Николь вжалась в крышу. Луна, как назло, выплыла из-за облака и повисла над ней, словно насмехаясь.

Понемногу шум стих, но девочка по-прежнему боялась поднять голову. Правая рука затекла, левая ныла, а пошевелиться страшно: ну как потеряешь равновесие и перевалишься через водосток? То-то обрадуются слуги маркиза, когда она упадет им на головы.

Однако постепенно Николь привыкла к своему положению. А ухитрившись закрыть голову полкой плаща, даже подумала, что и впрямь сможет продержаться до утра. Лишь бы никто не догадался проверить крышу галереи.

Вот разве что в бедро, как ни повернись, впивается какой-то выступ. И вдобавок от плаща воняет козлом и плесенью. Интересно, для чего он Бернадетте? Вряд ли старуха предполагала, что изношенная одежда когда-нибудь пригодится служанке, скрывающейся от сумасшедшего маркиза.

Николь вспомнила, что забыла спросить у Бернадетты, какой приказ должен отменить Жан Лоран де Мортемар. «К утру он опамятуется», – сказала старуха.

– ...не успеет.

Николь вздрогнула.

Что это? Или ей послышалось?

Внизу раздалось глухое покашливание. Кто-то стоял возле окна, из которого она выбралась по стене на крышу.

– Ты уверен, Гуго?

– Я приказал открыть ворота. Мои люди доскачут до деревни. Если она там, ее быстро найдут.

– А если нет?

– Ее поймают. Дайте им немного времени.
– Ты предупредил, чтобы ее взяли живой?
– Разумеется.
– Я своими руками сверну ей шею.
– Понятное желание, ваша светлость. Но сперва – камень...
– Я помню об этом каждый миг, – оборвал его собеседник. – Надеюсь, к рассвету с ней будет покончено.

Маркиз де Мортемар и граф стояли у окна под скатом крыши.

Николь покрылась холодным потом. Как она могла забыть, что дальний балкон южной галереи – любимое место Гуго де Вержи! Слуги шепчутся, что он часто бродит здесь по ночам: ищет встречи с призраком Симона. Хочет узнать, как найти Головореза, убившего старшего брата. Ведь проклятый разбойник избежал виселицы, скрывшись в лесах, и смерть наследника старинного рода осталась неотомщенной.

– Кто-нибудь подозревает, почему я здесь? – спросил маркиз де Мортемар после недолгого молчания.

– Ни одна живая душа. Все уверены, что за вашим визитом скрывается интерес к Божани. Местный люд спорит, уступлю ли я вам эти земли, и если да, то на сколько нагреем вашу светлость.

Оба засмеялись. Но смех маркиза оборвался раньше, и Жан Лоран раздраженно бросил:

– Дьявол раздери эту сучку! Ни о чем не могу думать, кроме камня.

– Его вернут, – пообещал Гуго. – Наберитесь терпения. А с девчонкой вы сделаете все, что захотите.

«Кроме камня?!»

Николь переместила руку вниз – туда, где в бедро впивался выступ. Пальцы пролезли в складки ткани и наткнулись на какой-то предмет. Небольшой, округлый, размером и формой напоминающий яйцо...

«Святой Франциск!» – мысленно ахнула девочка.

До сих пор она была уверена, что камень выпал во время стычки. Выходит, она не уронила его, а безотчетно сунула в прореху накидки.

Неудивительно, что все считают ее воровкой! Но если она объяснит, как все было, то, может быть, маркиз ограничится поркой?

«Его милость хорошо знает меня, он подтвердит, что я не лгунья».

– Как только девчонку поймают и отберут камень, ее нужно будет заставить молчать, – проговорил Гуго де Вержи. – Если это сделаете вы, могут пойти слухи. Неудобные слухи...

Он немного помолчал.

– И что же ты предлагаешь? Если не убить ее, она начнет болтать.

– Кто-нибудь из моих людей придушит ее. А остальным сообщат, что девка повесилась, не выдержав мук совести. Вы останетесь вне подозрений.

У Николь в горле что-то булькнуло.

– Ладно, пусть так, – нехотя проговорил маркиз. – Видит бог, у меня чешутся руки... Но ты прав. Ты всегда отличался благоразумием. Единственный из всех.

– Благодарю, ваша светлость. Но вы несправедливы к своим слугам. Как же Дюбуа? А Фурнье?

– И где теперь Дюбуа и Фурнье? – с горечью бросил маркиз. – Сидят в каменном мешке и ожидают встречи с палачом. Ты знаешь, Гуго, каким пыткам подвергают тех, кого обвиняют в заговоре против короля? Но ни один не выдал меня. Иначе сюда уже скакали бы отряды гвардейцев.

Голос маркиза де Мортемара изменился. С графом сейчас был уже не тот шумный толстак, что рассыпал за столом сальные остроты. Жан Лоран говорил резко и властно, и слова его были чеканны, как монеты.

Сейчас он был настоящий. А тот, за ужином, – притворялся. Лежа на крыше южной галереи, Николь поняла это очень хорошо.

– Не исключено, что они и скачут, – спокойно заметил Гуго де Вержи.

В ответ маркиз зло рассмеялся.

– О да, ты прав! Теперь, как никогда, нам нужен камень. Дьявол, почему ее никак не найдут?

У входа в часовню раздались крики.

– Смотри, Гуго! Неужели поймали?

– Надеюсь... – согласился тот после небольшой заминки. – Пойдемте к ним, ваша светлость.

Николь дождалась, пока в галерее станет тихо, и спустилась вниз тем же путем, которым поднялась. Когда ее босые пятки коснулись земли, она замерла, прислушиваясь.

Никого. Лишь гул голосов доносится от часовни.

Они спохватятся очень быстро, нужно спешить.

... – Элен, ее схватили? Что происходит?

Девушка откликнулась не сразу:

– Ничего...

Она застыла у окна, вцепившись в прутья оконной решетки, и пыталась рассмотреть знакомое лицо в толпе возле часовни. Но за мельтешением факелов невозможно было ничего угадать.

Беатрис скорчилась на кровати, обхватив колени руками.

– Мне холодно!

– Укройся.

– Прошу тебя, закрой окно! Почему они шумят? Когда все закончится?

– Заткнись! – сквозь зубы прошипела Элен. – Заткнись сейчас же! Я не знаю, когда все закончится, не знаю! Господи, – вырвалось у девушки, – хоть бы они убили ее!

Беатрис широко раскрыла глаза.

– Почему ты так говоришь? Ты желаешь Николь смерти?

Элен с презрительной жалостью покачала головой:

– Бог мой, какая ты глупая! Я хочу жизни нам, тебе и мне.

Сестра крепче обняла колени, не сводя с нее непонимающего взгляда. Элен усмехнулась:

– Как ты думаешь, что расскажет Николь, когда ее схватят? Она скажет отцу, что мы с тобой подговорили ее отправиться к маркизу.

– Отец накажет тебя, – прошептала Беатрис.

– И тебя, моя маленькая глупышка.

Губы девочки задрожали.

– Но ведь я ни в чем не виновата! – захныкала она. – Ты подтвердишь это, правда?

Элен присела перед кроватью, взяла ледяные руки сестры в свои.

– Я поклянусь перед отцом, что ты ни при чем. Вот только Николь будет клясться в обратном.

Воцарилось молчание. Беатрис осмысливала сказанное.

– А если... если ее убьют? – запинаясь, выговорила она наконец.

– Тогда некому будет опровергнуть наши слова. Мы заверим всех, что она по своей воле отправилась к маркизу, опередив меня.

– Но там был стражник, он видел вас!

Элен усмехнулась:

– С ним, уж поверь, я что-нибудь придумаю.

Крики в часовне стали громче. За окном раздался шорох, и искаженное от боли лицо Николь появилось за решеткой.

Беатрис вскрикнула, но Элен быстро зажала ей рот.

– Молчи!

Выпустив сестру, она подбежала к окну.

– Господь всемогущий! Как ты забралась сюда?

Николь не ответила. На объяснения не оставалось ни сил, ни времени.

Тяжело дыша, горничная просунула руку сквозь прутья решетки. В кулаке болтался мешочек.

– Ваша милость, возьмите. Оно принадлежит маркизу.

– Что это?

– Не важно. Прошу вас, верните это ему. Я не хочу быть воровкой.

– А как же ты?

– Попытаюсь бежать.

– Куда?

Николь переступила по узкому каменному парапету и почувствовала, как из-под ее босых ног с тихим шуршанием осыпается каменная крошка.

– Возьмите! – скованным от напряжения голосом повторила она и разжала кулак. – Быстрее!

Элен закусила губу, обдумывая что-то. Из-за ее спины молча выглядывала перепуганная Беатрис.

– Скорее, ваша милость! Я едва держусь!

– Если я возьму эту вещь и отдам маркизу, мне придется объяснять, как она оказалась у меня, – будто рассуждая вслух, проговорила Элен. – Если спрячу, ее могут найти. Как ни крути, выходит нехорошо.

– Ваша милость...

– Пусть остается у тебя!

С этими словами она приблизилась к горничной и толкнула ее в грудь. Николь сорвалась со стены и полетела вниз, не успев даже вскрикнуть.

Беатрис кинулась к окну.

– Ты убила ее!

– Надеюсь! – резко отозвалась Элен.

В дверь требовательно забарабанили. Сестры отскочили от решетки и испуганно взглянули друг на друга.

Будь на месте Николь другой человек, он неминуемо разбился бы насмерть. Но для девочки не прошли даром годы детских забав, во время которых она излазила все стены замка Вержи.

Выпустив из пальцев мешочек, Николь на лету ухватила за толстые стебли плюща, с помощью которых забралась наверх. Побег с жалобным треском отрывались от стены, выдирая за собой и камни, со стуком разбивавшиеся внизу. Последние десять футов Николь проехала вниз по стеблям, как по веревке, в кровь обдирая ладони.

Ударившись о землю, она упала на спину и долго лежала, хватая воздух ртом. Затем перевернулась и, пошатываясь, как пьяная, принялась на корточках ползать вокруг.

Камень нашелся в десяти шагах. Сунув его в прореху, как в карман, девочка поднялась и побрела к конюшне, тихо поскуливая от боли.

Три дворняги, чутких и злобных, поднялись ей навстречу. Самый крупный пес, подпалый, с исполосованной шрамами брылястой мордой, оскалил клыки и угрожающе зарычал.

– Мрак, это я! – всхлипнула Николь.

Пес тотчас умолк.

Второй лохматый сторож гавкнул было для порядка, но тут же устыдился и приветственно забил обрубок хвоста. Третий повалился на землю и зевнул во всю пасть.

Птичка встретила Николь недовольным сонным фырканием. Девочка молча прильнула к лошади. Постояла, успокаиваясь, пока сердце не перестало выскакивать из груди, а дрожь не утихла. Тогда она отошла в угол, сгребла солому в кучу и легла, сжавшись в комок, подтянув коленки к животу.

Бородач Андрэ с отвращением смотрел, как бестолково суетятся слуги графа. Бегают, сталкиваясь лбами, и чуть что – вопят.

Вот и сейчас: стоило ему обнаружить засохшие капли крови на спинке церковной скамьи, как они подняли крик. Андрэ не удостоил их ни единым словом, лишь презрительно скривил губы. Толпа баранов!

Что ему с этих пятен? И без них было известно, что девчонка ранена.

Слуга маркиза поднялся во весь огромный рост и направился в глубь часовни. Тех, кто оказывался на его пути, Андрэ бесцеремонно расталкивал.

Вторая дверь. Так он и думал.

Присев на корточки, он провел ладонью по каменной плите. На пальцах осталась земля. Воровка была здесь, ее перепачканные ноги скользили по каменным плитам.

Сзади деликатно покашлиали.

Обернувшись, Андрэ наткнулся взглядом на невысокого тучного человека с обманчиво добродушным лицом. Что добродушие напускное, Андрэ понял, едва взглянув на его рот: губы толстые и изгибаются, как раздавленные пиявки.

По глазам бородач не судил никогда – глазам можно придать любое выражение. А вот рот не обманет. Если скривлен на одну сторону, значит, перед тобой человек бешеного нрава, но прикидывающийся тихоней. Если верхняя губа вдвое толще нижней – порочный. Если обе губы тонкие, а уголки загибаются вверх – лживый и подлый; опущены вниз – злобен и себе на уме.

Выходило, конечно, что вокруг люди сплошь подлые, злые да распутные. Но случилось встретить и других. К примеру, нижняя губа, вздутая посредине, ясно показывала, что обладатель ее жаден и злопамятен, как ростовщик. Рассеченная надвое – что руки его обагрены кровью по локоть.

А какие рты бывают у людей добрых, щедрых и милосердных, Андрэ не знал. Ему такие не встречались.

Толстячок шаркнул ножкой, будто собираясь раскланяться. Младший конюх графа по имени Жермен, припомнил Андрэ.

– Куда ведет? – кратко спросил бородач, кивнув на дверь. Он предпочитал не тратить время на лишние слова.

– В южную галерею, – охотно отозвался конюх.

Что ж, ясно. Девка пряталась здесь. Наверняка перевязала руку. До этого кровь встречалась каждые десять шагов. Андрэ не везде видел пятна, но чувствовал запах крови, крови – и страха.

Чутье его не подвело. Первый раз за все время поисков они действительно наткнулись на ее след. До этого безмозглые слуги утверждали, что горничная скрывается в одном из погребов или многочисленных подвалов. Она-де когда-то работала на кухне, и с тех пор ей известны все подземные норы, скрытые в толще холма.

Бородач был уверен, что в погребах искать нет смысла. Там холодно. Она предпочтет другое укрытие.

Он оказался прав. Воровка была здесь и вернулась в замок.

Андрэ встал, толкнул дверь. Из щели потянуло сквозняком и сыростью.

– Из галереи – куда? – по-прежнему кратко спросил он у конюха.

– Куда угодно, – хмыкнул Жермен. – Хоть в главную башню, хоть в другие галереи.

Птичка знает все лазейки.

Заметив приоткрытую дверь, люди взволновались. По толпе пробежал гул.

– Она там! – крикнул кто-то. – За мной!

– Южная галерея!

– Обыскать все!

Мимо пронеслась стража, едва не сбив Андрэ. Бородач нахмурился, но не двинулся с места. Что проку обшаривать те закоулки, где девчонка уже побывала? Нужно идти туда, где она сейчас.

Как сказал толстяк? «Птичка знает все лазейки».

Андрэ поднял глаза на младшего конюха. Тот, казалось, с любопытством ждал следующего вопроса.

– Что еще?

Тот недоуменно вскинул брови. Пришлось разъяснить:

– Ты сказал, она хорошо знает замок. Что еще она умеет?

Жермен задумался. Ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, чего хочет странный бородач.

– Поет красиво, – сообщил он. – Голос у нее нежный, как колокольчик.

Андрэ обдумал сказанное и качнул головой: не то.

– Прислуживает Элен, старшей дочке нашего господина.

Бородач снова дал понять, что это не подходит. В покои девиц уже отправили стражников.

– Что еще? – Жермен поскребся в шапке курчавых волос. – А, вспомнил! Когда она играет в «палку-веревку», от нее глаз не отведешь, клянусь покойным папашей! Вот уж что удается ей лучше всего! Сиськи-то у нее так и подпрыгивают!

Слуга маркиза даже не улыбнулся. Таращился, словно не понимая, о чем ему говорят.

– Ты что, бабы ни разу в жизни не видел? – хохотнул младший конюх. Прижал к себе две ладони и показал, подергивая вверх-вниз: – Вот так: прыг-скок, прыг-скок!

Он радостно загоготал и смеялся до тех пор, пока бородач не шагнул к нему.

Взглянув на его лицо, Жермен осекся и прикрылся рукой.

Однако Андрэ просто прошел мимо. Верно говорят: чем полнее бочка, тем меньше звона. Толстяк громыхает так, словно внутри у него ничего, кроме пары дырявых монет на самом дне.

Конюх сразу пожалел о своей шуточке. Если это костлявое пугало пожалуется господину, ему не поздоровится.

– Она много возится с лошадьми, – заискивающе поведал Жермен в узкую, обтянутую рубахой спину. – И с собаками. Каждый шелудивый кобель в округе слушается Птичку. Видать, девка знает к ним подход.

Андрэ остановился и всем телом обернулся к нему:

– С лошадьми, ты сказал?

– Лезет ко всем подряд, – с готовностью подтвердил Жермен. – Даже к тем, кто...

– Заткнись.

Андрэ к чему-то прислушивался. Неподалеку приглушенно гавкнул пес и смолк, будто передумав.

– Где это?

– Возле конюшни, – не задумываясь, ответил Жермен.

По мертвенному лицу Андрэ скользнула кривая улыбка. Увидев ее, младший конюх пожалел о своем намерении подшутить над бородачом.

– Показывай дорогу, – велел Андрэ. – Она там!

Николь напилась из бадьи, забытой в конюшне кем-то из нерадивых подручных Гастона. Застоявшаяся вода плескалась на самом дне и воняла болотом, но девочка жадно выпила все до последней капли.

В ней не было злости на Элен, лишь глухое тоскливое недоумение. Но маркиза де Мортемара она боялась так, что при одном воспоминании о его вздернутой губе из желудка подскакивал к горлу отвратительный ком.

Воздух конюшни, привычный с детства, понемногу привел ее в себя. Над свежим ароматом опилок и тяжелым духом конского навоза витал летний запах сена и распаренного овса. Утром овес разложат по кормушкам загорелые руки конюхов.

Но до этого времени Гастон придет на свой первый обход.

У Николь созрел план побега. Она дождется дядюшку и умолит тайком вывезти ее из замка. В крестьянских хозяйствах под Божани всегда требуются помощницы. Она укроется в самой глуши, а там...

А там будет видно.

Николь подавила смутную тревогу, которую внушала ей главная фигура ее замысла, Гастон Огюстен. Преданность старшего конюха хозяину вошла в поговорку. «Служит как Гастон», – говорили о верном и усердном слуге.

Но не выдаст же он собственную племянницу!

Девочка притащила охапку соломы, сгребла для тепла опилки. Опустилась на колени и вознесла краткую молитву Святому Франциску, покровителю путешественников и беглецов.

Внезапно лошадь, до этой поры стоявшая смирно, подалась вперед и раздула ноздри.

Насторожилась и Николь.

– Что там, Птичка?

С кобылой творилось что-то неладное. Она вытянула шею и стала похожа на гончую. Уши плотно прижаты, белки глаз сверкают в лунном свете, зубы оскалены.

– Тише, тише, милая! Все хорошо.

Выскользнув из денника, Николь приблизилась к воротам конюшни. И вдруг сквозь щель между досок заметила снаружи свет.

Девочка замерла.

Послышались шаги, к первому факелу прибавился второй.

– Здесь лаяли, – заверил грубоватый голос. Николь узнала младшего конюха.

– Собаки-то вроде как спят, – возразили ему.

Но кто-то проговорил сипло и медлительно, растягивая слова:

– Они бы не брехали на нее. Девка в конюшне.

Николь прижала ладонь к губам.

Ох, вот и дождалась Гастона.

Глава 7

– Р-р-рав! Р-р-р... Рав!

Черный пес, вздыбив шерсть на холке, рычал на Андрэ. Вторая дворняга заходила в визгливом лае, от которого Жермен едва не оглох.

– Убери его! – угрожающе приказал бородач. – Или брюхо ему распорю!

Жермен оттащил Мрака и привязал к конуре.

– А ну тихо! – рявкнул он.

В воздухе щелкнули зубы. Младший конюх едва успел отдернуть руку.

– Сдурел?! – На всякий случай он отошел подальше от разозлившегося пса.

Вторая псина сама отбежала в сторону. Третья настороженно следила за ними.

«Чертова девка! – со злостью подумал Жермен. – Не знаю, как она это делает, но собаки сходят с ума по ее вине».

Выходит, бородач, похожий на ожившего мертвеца, был прав: Николь и впрямь пробралась на конюшню.

Если Андрэ рассчитывал тихо схватить ее сам и доставить хозяину, то просчитался. Стоило ему подойти к воротам конюшни, как сперва Мрак, а за ним и другие две собаки вскочили и подняли оголтелый лай.

На шум сбежались слуги, размахивая факелами. Жермен заметил в толпе узкое костлявое лицо старшего конюха и скривился.

Он недолюбливал Гастона со времен одного старого случая. Старик всю жизнь был несгибаем, как сухой прут. И сейчас он стоял очень прямо, сцепив руки за спиной. «Стервятник, – подумал младший конюх. – Заклюют Птичку, а ему и горя мало».

Откровенно говоря, Жермену и самому было плевать на Николь. Воруешь – не попадйся, а попалась – так отвечай. Он даже получал удовольствие от происходящего. Давно в Вержи не было так весело!

Андрэ протянул руку к воротам, но тут старший конюх будто проснулся.

– Позвольте мне, – хмуро попросил он. – Я выведу ее, если она там.

«Бойтся, – понял Жермен. – Не за племянницу, за лошадей».

Но Андрэ цыкнул на старика:

– А ну посторонись!

Гастон нехотя сделал шаг в сторону. Бородач распахнул дверь конюшни, а в следующий миг рыжая кобыла вылетела изнутри, как птица из клетки. На спине ее сидела девчонка, вцепившись в гриву.

Кобыла сбила с ног Андрэ и галопом промчалась через двор.

– Вон она!

– Лови!

– Стой!

Поднялся дикий крик. Снова залаяли псы, будто взбесившись, и пробудившиеся лошади заржали в конюшне. Мимо Жермена пробежали слуги маркиза, за ними, страшно ругаясь, проковылял Андрэ. Визгнула служанка, что-то упало с грохотом – то ли ведро, то ли бочка – и покатилося через двор.

И, перекрывая поднявшийся шум, над всем этим пронесся громкий крик невесть откуда взявшегося графа:

– Закрывать ворота! Двадцать ливров тому, кто схватит ее!

До этого окрика Жермен стоял на месте. Он понимал, что Николь некуда деться из замка. Хоть кобылу и нарекли Птичкой, летать она не умеет.

Но, услышав грозный крик, конюх вдруг сообразил, что в соседнюю деревню недавно выслали нескольких всадников. Отряд должен вот-вот вернуться, а значит, проезд для него держат открытым.

– Стой! – заорал Жермен во все горло и бросился к воротам крепостной стены.

Он успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как хвост лошади мелькнул на мосту.

– Ушла, тварь!

Его грубо толкнули в плечо.

– По коням, живо! – скомандовал Андрэ и скрылся в конюшне.

«Двадцать ливров!» Охваченный жадностью и охотничьим азартом, младший конюх бросился за ним. Они догонят воровку! Граф наградит его звонкой монетой!

Никто не седлал лошадей быстрее Жермена. Конюх был уверен, что слуги маркиза устроят неразбериху, в которой он опередит всех. Однако не успел он и глазом моргнуть, как седла были расхвачаны.

Жермен заскрипел зубами от злости. Но увидев, что Озорник дожидается в стойле, успокоился. Может, лошади у гостей и неплохи, но вряд ли они смогут соперничать с застоявшимся жеребцом.

Андрэ бросил мимолетный взгляд на толстяка, взлетевшего с неожиданной ловкостью в седло высоченного гнедого коня, и подумал, что от этого дурня может быть толк.

– Куда она поскачет? – крикнул он, осаживая своего Ворона.

– В Божани! – заорал в ответ Жермен, перекивая шум и лай. – Ей некуда свернуть!

Андрэ яростно пришпорил коня.

Вслед за ним из ворот замка вылетел верховой отряд и помчался прочь, провожаемый свирепым лаем.

Ветер свистел в ушах Николь, перед глазами мелькала грива бешено несущейся лошади. Деревья, кусты, луна, облака – все летело вместе с ней в безумной скачке. Подгоняемая топотом копыт и криками, доносящимися сзади, Птичка мчалась по лесной дороге, ведущей к Божани.

Николь не слышала ничего, кроме разбойничьего посвиста ветра. От ужаса она вцепилась в Птичку мертвой хваткой. Бока кобылы ходили под ней ходуном, наездницу швыряло то вверх, то вниз. Она чувствовала себя пловцом, которого тащит по камням бурлящий поток, с каждым мигом приближая несчастного к водопаду.

«Я не смогу долго выдержать ее галоп. Надо остановить Птичку».

Но стоило Николь подумать об этом, как до ее ушей донеслись торжествующие крики.

Рискуя свалиться, девочка обернулась и увидела в свете луны растянувшийся по дороге отряд.

Погоня!

Николь еще крепче сжала колени, и Птичка рванулась вперед с удвоенной силой.

Увидев, что расстояние до рыжей кобылы снова увеличивается, Жермен выругался и пришпорил Озорника. Он догонит ее первым!

Но сколько младший конюх ни погонял своего гнедого, Андрэ на вороном коне не отставал от него.

– Уходит! – крикнули сзади.

Жермен знал, что Николь не уйти. Как долго девчонка продержится на Птичке без седла? Ее жалких силенок не хватит даже дотянуть до Божани. Она свалится, и тогда они возьмут ее.

«Лишь бы не свернула шею! Граф требовал привезти ее живой».

– Хэй-йей! – завизжали сзади, и Жермена обогнал невысокий шуплый всадник на белом коньке себе под-стать, маленьком и сухопаром. Жермен оценил резвый галоп и мрачно подумал, что у него прибавляется соперников. Вот и еще один, мечтающий выслужиться перед хозяином.

– Пошел! – прикрикнул он на Озорника, и оскорбленный конь припустил что было мочи.

Птичка славилась быстрым бегом, но на ней сидела неопытная девчонка. А преследователи ее были искусными наездниками. Понемногу от отряда отделились трое, обогнав остальных: Андрэ, Жермен и щуплый слуга маркиза. Впереди, как вихрь, неся маленький белый конек, за ним могучие Озорник и Ворон.

Жермен не мог бы сказать, в какой момент погоня превратилась в состязание охотников. Если подумать, он вовсе не испытывал ненависти к бедняжке Николь. И даже двадцать ливров, обещанных за ее поимку, не подвигли бы его на преследование, будь он один.

Но что-то безумное нашло на них в эту ночь. Луна в мерцающей кровавой дымке вдохнула ярость, напоила азартом преследования, внушила злобу к маленькой беглянке, а заодно и ее легконогой рыжей союзнице. Они преследовали добычу в каком-то свирепом исступлении, словно хищные звери.

И коням передалось состояние всадников. Они хрипели, рвались вперед. Их уже не нужно было погонять. Кони неслись так, будто единственным смыслом их жизни было догнать золотистую лошадь, сияющую в лунном свете.

И понемногу расстояние до Птички начало сокращаться. До этого преследователи понукали своих коней, но теперь все замолчали. Только дробный топот копыт нарушал ночную тишину. Отряд настигал Николь.

Обернувшись, девочка увидела, как близки ее враги, и вскрикнула от неожиданности.

В тот же миг Птичка, испугавшись сухой ветки на дороге, резко вскинулась и подалась вбок. Николь удержалась каким-то чудом. Лошадь встала на дыбы, молотя передними копытами воздух. Девочка закричала, и в ответ раздалось звонкое ржание перепуганной кобылы.

Рядом отозвался Озорник. Он наконец-то вырвался вперед. И конь, и наездник видели, как близка их добыча, это придало им сил.

Николь теперь отделяло от преследователей не больше сотни шагов. Драгоценное время было потеряно.

– Беги! – вскричала она, и перепуганная лошадь внезапно подчинилась ее приказу.

Но вместо того, чтобы вернуться на дорогу, Птичка пустилась в сторону леса. Миг – и она уже мчалась среди деревьев, не разбирая пути.

После недолгого замешательства Жермен повернул туда же. Остальные последовали за младшим конюхом, но теперь бег их коней стал куда осторожнее. В темноте, того и гляди, копыто провалится в яму или нору, или подвернется под ногу лошади коряга... Никому не хотелось остаться в этом лесу с переломанной шеей.

– Видишь ее? – крикнул конюх, обращаясь к Андрэ.

– Слышу, – коротко отозвался тот, прислушиваясь к треску сухих сучьев. – Туда!

Николь держалась из последних сил. Птичка больше не подчинялась ни окрикам, ни тычкам, и после нескольких попыток остановить лошадь девочка смирилась с беспомощностью. «Не упасть-не упасть-не упасть», – как заклинание твердила она в такт галопу.

Но теперь к ее врагам добавился лес.

Древняя чаща разгневалась от непрошеного вторжения. Из черной глубины она обрушила сотни игл, гномьими стрелами впивавшихся в кожу, исхлестала чужаков жгучими побегами, шипящими, как змеи. Дубы возникали из темноты, распахнув корявые ветви в смертельном объятии. Каждый миг Николь ждала, что ее размозжит о ствол.

Плечо от тряски вновь начало кровоточить. Во время бешеной скачки на дороге Николь совсем забыла про свою рану, но теперь не могла думать ни о чем другом.

– Птичка, стой! – простонала она.

Бесполезно.

– Да поворачивай же!

Николь попыталась свернуть лошадь с выбранного пути. Но та упорно стремилась в самую чащу леса.

Огромное искореженное дерево промелькнуло в стороне, протягивая к ней скрюченные лапы, точно восставший из могилы мертвец, и девочка внезапно догадалась, куда мчит ее взбесившаяся лошадь. Черный лес! Они все ближе и ближе к кладбищу Левен!

От ужаса Николь похолодела.

– Не смей!

Лошадь все же немного замедлила свой безумный бег, но не встала, а принялась кружить среди деревьев. Вокруг них заплясали в оголтелом хороводе кривые стволы, замелькали косматые кусты, словно распущенные волосы злобных ведьм. Вырви-трава вскидывала вверх свои тонкие плети, секла Николь по голым ногам.

Трава-то и помогла ей.

В отчаянии вспоминая все, что слышала от конюхов, Николь отчетливо представила вечерний луг, травяные нити, стелющиеся под ногами. Ей припомнился негромкий голос Жермена: «Не дергай повод, малютка. Хорошо выезженная лошадь послушается тебя и без уздечки».

Это было славное время, когда толстяк учил местную ребятню ездить верхом. По вечерам, на закате они собирались на лугу, и старенькая Верба послушно катала детей.

К Николь Жермен проявлял особое внимание. Подсаживал ее, когда она пыталась вскарабкаться на лошадь. Своими руками вставлял ее ногу в стремя. Николь гордилась его вниманием – не каждой девчонке младший конюх графа оказывает столько почтения.

На третий день Жермен улучил момент, когда рядом никого не было, и предложил поучить ее одну, без Тома, Матье и прочей мелюзги. Польщенная Николь непременно согласилась бы, но их разговор был прерван самым грубым образом. На лугу появился дядюшка.

Мальчишки рассыпались в разные стороны. Жермен исчез еще раньше, едва лишь заметил вдали прямую, как оглобля, фигуру старшего конюха. Одна Николь осталась вместе с Вербой, глупо улыбаясь и надеясь, что Гастон похвалит ее за старания.

На людях старший конюх всегда был сдержан, да и дома с племянницей не слишком многословен, но в тот раз он отвел душу. Обозвал Николь и дурой, и бараньей задницей, и тупой курицей. Николь крепилась-крепилась, но в конце концов расплакалась. Она не понимала, отчего так ругается Гастон. А тот, прокричав напоследок: «Спуталась, дрянь, с похотливым козлом!», занес руку для удара. Но не ударил: выругался страшно и так стегнул Вербу, что бедная старушка взвилась от боли.

Николь была уверена, что забыла все, чему учил ее Жермен. Но теперь его голос зазвучал в ее голове.

«Представь, что ты выпустила повод. Это худшее, что ты можешь сделать. Все же и такое случается, особенно с неопытными наездниками.

Падать на полном скаку – опасное дело, малютка. Да и на рыси мало приятного. Хочешь остановить лошадь – отклонись назад. Откинься как можно дальше, словно собираешься лечь на ее круп».

Самое трудное – выпустить шею кобылы. Разожмешь руки, слетишь – и прощай, Николь Огюстен. Хорошо, если умрешь на месте. А ну как сломаешь хребет или ноги?

Николь сглотнула. Она не будет думать об этом. Но как же страшно...

«Святой Франциск, помоги мне!»

Девочка выпустила гриву из онемевших пальцев. Сжала ноги до боли в бедрах. Зажмурилась – и откинулась назад.

Птичка встала как вкопанная, и Николь, совершенно не ожидавшая этого, покачнулась и съехала вниз. Чтобы подняться, она схватилась за ногу лошади, и вдруг пальцы ее нащупали

плотный комок под кожей, где должна была быть подпруга. Девочка ахнула и отдернула руку, но было поздно: кобыла взвилась от боли, протяжно заржала и сорвалась с места.

Не успела Николь крикнуть «Птичка!», лошадь пропала. Только хруст веток затихал вдали.

Девочка перевела дух и огляделась.

Зловещая чаща осталась далеко в стороне. Лес вокруг дышал волшебством, и тремя красками был расцвечен он: черной, серебряной и золотой. Трава светилась, присыпанная серебряными искрами. Над головой шумела облитая лунным золотом листва. Черные стволы уходили высоко вверх и загадочно шумели, словно звали по дороге к луне.

Прекрасный, мрачный, таинственный лес. И самый жуткий из всех окрестных лесов.

Николь сделала несколько шагов, выискивая просвет между деревьями, но темнота слева ничем не отличалась от темноты справа.

Опустившись на колени, девочка уткнулась в росистую траву. Разве ей под силу выбраться отсюда? Запах крови привлечет хищников, а она слишком устала, чтобы забраться на дерево.

Да и без хищников Черный лес полон опасностей. По ночам из-под корней бьют ледяные родники и выносят на поверхность подземных эльфов с темной кожей и волосами белыми, как пух аиста. До утра они танцуют на мерцающих полянах, приманивают заблудившихся путников песнями, чтобы лишить их рассудка и обратить в своих слуг.

Но лучше уж прислуживать эльфам, чем встретиться с пастырем волков! Его логово под елью, ветви которой грязны и мохнаты, как паучьи лапы. Случалось, охотники находили то, что осталось от заблудившихся в Черном лесу: обглоданные дочиста кости, сложенные горкой.

От пастыря можно сбежать, если спалить на его глазах клочок волчьей шерсти. Но как уйти от болотняника? Услышишь булькающие стоны со всех сторон – значит, вот-вот под ногами завьется спасительная тропа. Да только она ведет напрямик в его трясину, где из-под мутной воды белеют безглазые лица утопленников.

Куда ни беги, повсюду смерть, и лики ее один страшнее другого.

Где-то вдалеке зашептались листья: гроза, идет гроза! Николь подняла глаза к небу. К луне со всех сторон подобралась тучи.словно льдины, сковывающие единственную полынью, они теснили друг друга. Пройдет совсем немного времени, и она останется в кромешной тьме, под дождем.

Николь совсем было решила встретить погибель, не сходя с этого места. И вдруг на ветке над ее головой просвистела ночная птица.

– Хороший знак, – пробормотала девочка. – По правде говоря, я буду считать хорошим знаком даже твой помет, упавший мне на голову, милая птичка.

Она с трудом встала.

Капли забарабанили по листьям над ее головой. Издалека налетел порыв ветра, согнул тонкие верхушки осин, разогнал тучи. Приоткрывшийся разрыв заполнила собой луна, и в ее свете Николь увидела вдалеке белое пятно.

«Цветущий куст? – думала Николь, вглядываясь сквозь полумрак. – Не будь я в чаще леса, сказала бы, что это побеленная стена дома».

Сколь ни было нелепо предположение, ей не оставалось ничего другого, как проверить его. Она медленно направилась к белому пятну, переступая через сухие ветви.

И вдруг весь лес потемнел. Серебро под ногами потускнело, золото листьев растаяло без следа. Подняв глаза, Николь увидела, что луна исчезла – тучи поглотили ее, не оставив и капли волшебного света.

Ветер стих, все замерло. И вдруг деревья разом ахнули и застонали, замахали ветвями, будто отбиваясь от великана, пытающегося вырвать их с корнем. Вспышка молнии озарила все вокруг. Николь перекрестилась, и небеса ответили ударом грома.

Когда раскаты стихли, Николь услышала, что к робкому шуму дождя добавился еще какой-то звук. «Хруст веток!» – поняла она.

Птичка возвращается! Кобыла покружила вокруг и решила, что лучше быть с неопытной всадницей, чем бегать одной по незнакомому лесу.

Николь обрадовалась так, как не обрадовалась бы и человеку. Быть может, кобыла, спасшая ее один раз, выручит и во второй.

– Птичка! – пронзительно закричала она. – Птичка, сюда!

До нее слишком поздно дошло, что она слышит не легкую поступь одной лошади, а топот многих копыт, приглушенный дождем.

– Вон она! – раздался крик. – Я ее вижу!

Вспыхнули факелы. Ослепленная Николь зажмурилась, но успела разглядеть бородастого слугу Мортемара. Он несся прямо на нее, оскалив зубы, и так же страшно скалился под ним вороной конь.

Николь сорвалась с места.

Гнедой конь догнал ее, с другой стороны из-за осины на Николь вылетел вороной. Петляя, как заяц, девочка уклонилась от одного, увернулась от копыт другого и снова бросилась бежать, слыша яростные крики за спиной.

Ноги скользят по мокрой траве. Сухие ветки царапают лодыжки, раздрают кожу на коленях. Не хватает воздуха, что-то рвет грудь изнутри. Сердце частит: беги! Беги! Беги! Беги!

Небеса ощерились молнией, хохоча над Николь. «Как же глупо ты попала, девчонка! Куда ты мчишься? От смерти не уйти».

– Где она?

Туча разверзла жирное брюхо и обрушила на Николь тяжелый водопад. Бежать стало невозможно, пришлось идти, хватаясь за стволы, чтобы не упасть. А белая стена и вовсе скрылась за пеленой воды.

Но ливень сослужил девочке и хорошую службу. Он спрятал Николь от преследователей. Они вслепую метались по лесу, до нее доносились их проклятия. Факелы с шипением гасли, а от тех, что еще горели, не было никакой пользы.

«К стене!» – приказала себе Николь.

Теперь она двигалась почти наугад, надеясь, что верно запомнила направление. Один раз из дождя проявился силуэт человека на лошади, но Николь прижалась к дереву, и всадник растворился в серой завесе.

Шаг, второй, третий... Ладонь девочки скользнула по обрубку ствола. Ствол оказался неожиданно гладким и холодным, как камень. Николь от удивления даже наклонилась, отирая лицо от струй воды.

Это и был камень. Серый, покосившийся, неровно обтесанный могильный камень.

Ливень внезапно стих, словно небеса сжалились над измученными людьми. Вновь сверкнула молния, и в ее свете Николь увидела то, чего боялась больше всего.

Ее окружали надгробия. А белое пятно, которое Николь приняла за стену дома, было не чем иным, как останками разрушенной церкви.

Она стояла на кладбище Левен.

Николь в ужасе отдернула руку от надгробия. На несколько мгновений она забыла даже о тех, кто охотился на нее. Но крик, полный свирепой радости, вернул ее к действительности.

– Хватайте ее!

К ней направлялись сразу двое. Остальные окружили поляну, держась под деревьями.

Первый подбежавший к Николь – коренастый, с багровым шрамом через все лицо – выхватил меч.

– Взять живой! – раздался яростный крик. – Приказ графа!

Но воин покачал головой и ухмыльнулся. Улыбка у него была веселая и бешеная.

– Пусть граф не беспокоится, – крикнул он, – привезем живьем! Только без ног. Больше не удерет!

Он раскрутил меч над головой. Голубое, как лед, лезвие с тихим свистом разрезало струи дождя.

Девочка попятилась, не сводя глаз с оружия. Брызги от меча разлетались во все стороны, и она вдруг с ужасающей ясностью представила, что так же будут разлетаться и капли ее крови. Свист становился все громче – вот уже не лезвие, а сплошной блестящий круг рассекает сумрак.

Не прекращая вращать кистью, воин шагнул к Николь. Видение травы, скользкой от черной крови – ее крови! – стало ярче. Нападавший сделал еще шаг – и поскользнулся. Нога его поехала вперед, и мужчина, нелепо дернувшись, грохнулся на спину.

Николь отбежала назад, затравленно озираясь. В этот миг она готова была искать защиты у любого из всадников, лишь бы не быть разрубленной, словно курица.

Но те замешкались. Их кони отчего-то отказывались сдвинуться с места, будто чутких животных кладбище пугало так же сильно, как саму Николь.

– Спасите! – взмолилась она.

Неужели никто не защитит ее от этого безумца с мечом? Мужчина со шрамом снова враскачку двигался к ней, ускоряя шаг.

Неудача взбесила его. Теперь его не могли остановить ни усиливающийся дождь, ни окрики товарищей. Краем глаза девочка видела, как бородач наконец справился с конем – единственный из всех – и направляет своего вороного к ним.

– Не смей! – кричал Андрэ. – Убью!

Но в глазах человека со шрамом горел огонь одержимости. Вороной шархнулся от надгробия, едва не сбросив седока, и жалобно заржал.

Таким же испуганным ржанием отозвались ему и остальные лошади.

Больше спасения ждать было неоткуда.

– Провались ты в ад! – выдохнул воин и вскинул меч.

Позади Николь раздался странный звук – липкое чавканье и хлюпанье. Точно и вправду разверзлась бездна, готовясь принять душу грешницы.

Убийца перевел взгляд с Николь на то, что происходило за ее спиной.

Увиденное заставило его выронить меч. Он поднял руку для крестного знамения, но не смог донести ее до лба и застыл, превратившись в статую с перекошенным от страха лицом.

Николь медленно начала поворачиваться. Она слышала вскрики, видела, как другой всадник вдалеке попятился, упал и пополз прочь, завывая от ужаса. Лошади подались назад, не слушаясь наездников.

И когда она обернулась, ей стало понятно, почему.

Земля и впрямь разверзлась. За покосившимся камнем открылась зияющая могила. А из нее, освещенная яростными вспышками молний, вылезала старуха в лохмотьях с черным, как смерть, лицом.

Ничего страшнее Николь не видела в своей жизни. Будто повинуюсь брошенному проклятию, скелет, наспех обросший плотью, подбирался к живым. Сладковатый тленный дух распространялся по всему кладбищу.

Ухватившись за надгробие, старуха выбралась из ямы и шагнула вперед.

Рвущийся наружу крик застрял у Николь в горле.

Старуха протянула к ней когтистую лапу и ухватила девочку за раненое плечо.

Даже боль не заставила Николь выдавить хотя бы звук. Она онемела.

Ведьма запрокинула голову к небу, и над могилами разнесся визгливый хохот. Ответом ему было ржание перепуганных лошадей.

Леденящий кровь смех оборвался. Подтащив добычу к могиле, чудовище столкнуло ее вниз, и торжествующий крик огласил окрестности.

А затем старуха обвела взглядом людей, застывших в ужасе, облизнулась и шагнула к ближнему всаднику.

Им оказался Андрэ.

Под взглядом кошмарной твари верный слуга маркиза ощутил, что волосы у него на голове шевелятся. Он уже видел, как и его тянут в могилу костлявые пальцы, видел, как смыкается над ним земля, как летит он в бездонную тьму.

Молния ослепила людей, а следом ударил оглушительный гром. От него вскрикнул лес, отозвались протяжным гулом подземные воды. Старуха закрылась рукой, словно устранившись от небесной кары.

Андрэ пришел в себя.

– А-а-а! – закричал он и хлестнул Ворона.

Жеребец вздрогнул и бросился с места в карьер. За ним помчались и остальные, изо всех сил погоняя мокрых лошадей.

Когда кладбище опустело, карга склонилась над могилой, в которую упала Николь.

– Ну здравствуй, малютка, – сказала она и оскалилась. – Сейчас спущусь к тебе.

Святой Франциск напоследок оказался милосерден к девочке: прежде, чем старуха исполнила обещанное, Николь потеряла сознание.

Глава 8

– Месье Бонне! Месье Бонне!

Лекарь вскочил с постели. За окном мельтешили огни, кричали люди, и потому первая его мысль была о пожаре.

Он отодвинул засов.

– Месье Бонне...

В комнату ввалился запыхавшийся слуга. Венсан принялся, но его чуткий нос не уловил ни дыма, ни гари.

– Что случилось? На нас напали?

– Его милость требует вас, – задыхаясь, выговорил тот. – Скорее! В северное крыло!

...Плач и крики Венсан Бонне услышал, едва только завернул в галерею. В конце ее, у входа в покои дочерей графа, толпились люди. Одутловатая женщина, в которой Венсан не сразу признал няньку, громко читала молитву.

– Лекарь... Пустите лекаря... – зашептались вокруг, когда он приблизился.

Слуги расступились, отворачивая от него перепуганные лица. Кто-то плакал. Белый, как мел, стражник у дверей шевелил губами, бессмысленно глядя перед собой.

Венсан протиснулся мимо него.

Он уже догадывался, что увидит. Но даже у него вырвалось невнятное восклицание, когда взгляд его упал на кровать.

Элен де Вержи лежала на спине и смотрела в потолок навсегда остановившимся взглядом.

– Лекарь здесь, ваша милость, – почтительно сказал кто-то.

Гуго де Вержи обернулся к лекарю. Лицо его было спокойно и страшно.

– Подойди.

Бонне остановился возле постели, склонив голову.

– Все прочь, – сухим негромким голосом приказал граф.

Комната опустела. Возле тела, кроме Венсана, остались только сам Гуго и Пьер Рю, начальник охраны замка Вержи – могучий мужчина лет сорока, прозванный Медведем за силу и хитрость.

– Проверь, точно ли она мертва, – приказал Гуго.

Бонне вопросительно взглянул на него. Не нужно было обладать особыми познаниями, чтобы понять, что перед ними труп.

– Проверь, – повторил граф и отошел к открытому окну.

Насторожившийся лекарь протянул руку к покрывалу, укутывавшему Элен до подбородка. Отдернул его – и вновь не удержался от возгласа.

– Я выразился еще крепче, когда увидел ее, – негромко проворчал Пьер-Медведь и отвернулся.

На Элен была шелковая туника, оставлявшая открытыми лишь руки и шею. Но, глядя на синюшные пятна величиной с монету, покрывавшие ее кожу, Бонне не сомневался, что все тело девушки усыпано ими.

– Случается, люди умирают и их хоронят, – сказал Гуго, – но это не смерть, а лишь необычайно крепкий сон. Тебе об этом должно быть известно.

Венсан молча кивнул.

– Убедись, что моя дочь мертва, а не одурманена. Ты понял меня?

– Да, ваша милость.

Он проделал все, что требовалось в подобных случаях. Послушал сердце. Поднес зеркальце к похолодевшим губам. Распорядился, чтобы из его дома принесли арабскую соль, и

долго держал пузырек у носа Элен. Наконец, с молчаливого согласия графа применил последний способ, хоть и древний, но действенный: прижал к пятке девушки раскаленную кочергу.

Все было напрасно. Они могли жечь неподвижное тело хоть до Страшного суда: Элен ничто не вернуло бы к жизни.

– Ваша милость, она мертва. Точно мертва.

Граф открыл шире окно, чтобы выветрился отвратительный запах горелого мяса. Пьер-Медведь бережно прикрыл лицо покойницы.

– Надеюсь, ее привезут живой, – вполголоса сказал он.

– Кого? – так же тихо спросил Бонне.

– Эту девку, Николь Огюстен.

– Служанку? При чем здесь она?

– А, так вы ничего не знаете! Это ее рук дело.

Венсан Бонне давно научился не меняться в лице, что бы ни видели его глаза и ни слышали уши. Но в эту минуту невозмутимость далась ему с большим трудом.

– Откуда известно? – ровным голосом спросил он.

– В ее комнате нашли флакон из-под яда и еще кое-что. Подсунула отраву и сбежала. Колдовское зелье, дьявол его возьми! – Пьер сложил три пальца левой руки, плюнул на щепоть и прочертил крест в воздухе.

– Флакон из-под яда... – Венсан пытался собраться с мыслями.

– Пустой.

– Зачем ей травить свою госпожу?

Пьер удивленно взглянул на него голубыми глазами – такими ясными, что закрадывалось сомнение в его чистосердечии.

– Кому же еще, мой дорогой Бонне?

– И где она сейчас?

– Уже здесь, – холодно сказал Гуго де Вержи.

Венсан посмотрел на него. Граф стоял, вцепившись в подоконник, и не сводил глаз с отряда, въезжавшего в ворота замка. Когда послышался скрежет опускающейся решетки, он быстро вышел из комнаты. Лекарю почудилось, будто граф, проходя мимо него, по-волчьи щелкнул зубами.

Они с начальником охраны остались одни.

– Дьяволыщина! – рассерженно проворчал Медведь, сбрасывая маску глубокой скорби. – До чего не вовремя. Похороны, траур... Графу долго еще будет не до сделки с Мортемаром.

Он вразвалку прошелся по комнате, кажется, совершенно забыв о существовании лекаря.

Венсан Бонне ждал, не донесется ли со двора крик. Но снаружи было тихо.

– Месье Рю, нельзя ли взглянуть, что нашли в комнате у горничной?

Проницательный взгляд Медведя заставил Бонне вспомнить, за что начальника охраны наградили этим прозвищем. Пьер мог казаться неуклюжим и даже туповатым, но при необходимости соображал очень быстро. В его глазах застыл вопрос.

– Меня учили разбираться в ядах, – пояснил Венсан. – Возможно, я смогу узнать отраву.

Пьер Рю пожал плечами:

– Какой сейчас в этом прок? Девушка умерла. Вы сами сказали, что ее не вернешь.

– Вы правы. Проку никакого.

– Тогда зачем?

– Любопытство, – кратко отозвался лекарь.

Пьер хмыкнул и неожиданно кивнул, словно признавая за Венсаном это право:

– Понимаю... Что ж, смотрите.

Он расстегнул поясную сумку и вытащил стеклянный флакон высотой с ладонь, узкое горлышко которого было заткнуто стеклянной же пробкой.

На лице Бонне не дрогнул ни один мускул. Он смотрел на флакон безразлично, и лишь несколько мгновений спустя спохватился и добавил во взгляд каплю заинтересованности. В конце концов, он сам признался, что ему любопытно. Будет странно, если он не проявит ни малейшего интереса.

– Позвольте поближе?

Пьер сунул ему пузырек.

– Что-нибудь чуете, а, Бонне?

Делая вид, что рассматривает остатки содержимого, растекшегося по стенкам, лекарь нахмурил брови. Нужно выиграть хотя бы немного времени. Опасно недооценивать Медведя: стоит Пьеру что-то заподозрить, и Венсан окончит свои дни на виселице.

Он медленно покачал головой. Для убедительности и впрямь принялся к пробке. Слабый запах тины заставил его задержать дыхание.

– Девчонка побывала в Черном лесу, – задумчиво протянул Пьер, не отрывая глаз от флакона в его руке. – Возможно, сама ведьма замыслила известить семейство графа и для этого воспользовалась ее помощью.

Теперь настал черед Венсана внимательно смотреть на начальника охраны. Уж не издевается ли он? Или и впрямь верит во всю эту чепуху насчет ведьмы?

Но разве поймешь что-нибудь по непроницаемому лицу Пьера Рю!

Венсан решил рискнуть. Если Медведю что-то известно и он пытается вывести лекаря на чистую воду, то пара вопросов уже ничего не изменит.

– Отчего вы так уверены, что Николь получила зелье от этой... знахарки? И в самом замке мог найтись тот, кто желал Элен смерти.

– И кто же? – усмехнулся Пьер.

Лекарь не ответил. Это был глупый вопрос. А когда умные люди начинают задавать глупые вопросы, жди подвоха.

– Молчите... Что ж, так и быть, раскрою карты. – Начальник охраны опустился на стул и потер массивную шею. – Об этом вскоре будет знать каждая собака, так что к чему секреты! У горничной нашли еще кое-что, кроме яда. То, что неоспоримо доказывает ее вину.

– Что же?

– Мешочек с землей, пропитанной медом. Медом!

Он со значением поднял указательный палец.

– Я слышал, – ровным голосом начал Венсан, – девушки любят разные странные притирания...

– Не глупите, Бонне! Земля наверняка с могилы на кладбище Левен! Ясно вам, что это значит? Старое испытанное средство: взять земли, в которой когда-то разложился покойник, добавить туда меда диких пчел. Если хочешь известить человека, нужно только каждый день посыпать его следы этой гадостью. Месяц спустя он сойдет в могилу без всяких видимых признаков болезни или отравления. Должно быть, она замышляла отравить старшую дочь графа, а адское зелье использовать для Беатрис.

– Кто вам сказал, что она взяла землю в Левен?

– Вторая горничная, Мари. Она сразу во всем созналась, едва только ей сунули под нос доказательство.

«Значит, ты все-таки проболталась ей, глупая маленькая Птичка, – отстраненно подумал Венсан. – Расчирикалась, да? Я не оценил твой подвиг, и тебе захотелось поделиться с тем, кто оценит».

– Мари ходила с ней? – спросил он, чтобы заполнить молчание.

– Нет, девка была одна.

«Что ж, она хотя бы не выдала своего дружка».

– Не побоялась отправиться в Черный лес! – продолжал Медведь. – Интересно, чем так насолили ей дочери графа?

«Мы это очень скоро узнаем, – с той же отстраненностью мысленно ответил Венсан. – У Гуго де Вержи достаточно слуг, готовых исполнить обязанности пыточных дел мастера».

Жалость, острая, как боль от пореза ножом, внезапно охватила его, пробившись через стену безучастия. «Что же ты наделала, маленькая веселая певунья!»

– Что с вами, Бонне?

Венсан неловко дернул подбородком.

– Мне не по себе здесь, – глуховато сказал он, указывая на мертвое тело.

– Пойдемте. Нам тут больше нечего делать.

Лекарь кивнул и двинулся к выходу.

Но возле двери ему на плечо опустилась тяжелая рука. Венсан остановился и мысленно усмехнулся. Выходит, он ошибся, и весь разговор был лишь прелюдией к тому, что произойдет сейчас. Пьер приблизит к нему загорелое лицо, и голос его будет исполнен некоторого сочувствия, когда он скажет: «А теперь объясните мне, дорогой Бонне, зачем вы отравили Элен?»

Начальник охраны наклонился к нему и доверительно спросил:

– Вы ничего не забыли, мой дорогой Бонне?

Он кивнул на флакон, который Венсан по-прежнему сжимал в ладони.

– Гуго доверил мне хранить его... – начал Пьер.

Его слова были прерваны пронзительным женским криком.

Мужчины переглянулись. Определенно, кричала не Николь Огюстен.

– Что там еще... – начал Пьер, рывком отворяя дверь.

Стоявший снаружи слуга принял вопрос на свой счет и попятился от нахмурившегося начальника охраны.

– Н-н-не знаю, ваша милость...

Люди вокруг зашушукались.

– Где кричали?

– Да вроде в покоях графа... – сказал кто-то. – Пречистая Дева Мария, неужто еще кого убили?

– Что ж ты такое говоришь!

– Придержи-ка язык! Убили! Накличешь еще беду.

– Сами придержите, – огрызнулся первый. – Накликали уже, дальше некуда.

Завязалась перепалка, конец которой положил начальник охраны.

– А ну тихо!

Все споры оборвались на полуслове.

– Быстро разошлись! – громовым голосом скомандовал он. – Или у вас мало дел? Ты! – Пьер выхватил из стремительно разбегавшейся толпы служанку с живым круглым личиком. – Бегом за священником. Приведи его сюда, он знает что делать.

– Слушаюсь, ваша милость! – девушка почтительно присела, и Рю раздраженно махнул рукой:

– Живее, живее!

Спустя минуту галерея опустела. Только стражник топтался у двери.

– Месье Бонне, – шепотом позвал он, пока Пьер отдавал приказания. – Месье Бонне! Правду ли говорят, что... – он помялся, но все же договорил: – ...ну, что мадемуазель Элен умерла из-за ведьмы?

Венсан пригляделся к нему. Рослый, здоровый парень с глуповатым крестьянским лицом, покрытым каплями пота. Он определенно старался отодвинуться подальше от двери, которую ему полагалось охранять.

Видя, что лекарь молчит, стражник промямлил:

– Я чего хотел-то... Не найдется ли у вас какого-нибудь средства, чтобы, значит, это... Убереечь меня.

– Тебя? – поднял брови Венсан. – От чего?

Стражник вытер пот.

– От дурного глаза, месье. Девка-то, которую поймали, эта Огюстен... Видал я ее. Она, когда проходила, так зыркнула, что меня всего перекосило. Я сразу-то не догадался, а теперь понял. Должно быть, кровь она мне испортила, или семя, или еще чего...

«Вот и первая ласточка, – подумал Венсан. – Так оно обычно и бывает. Помешательство охватывает всех, как пожар. Завтра самая последняя судомойка будет рассказывать, как от взгляда Николь у нее начинались запоры, а повар припомнит, что стоило девочке оказаться возле свежего мяса, как оно протухало на глазах. Они жили рядом с ней, болтали с ней, слушали ее песни, и вот уже готовы приписать ей все мыслимые грехи».

Он поморщился. Сколько раз ему уже доводилось видеть подобное. Людям мало просто жить своей жизнью, заботясь о хлебе насущном и спасении собственной души. Им непременно нужны еще жертва и враг. О, когда есть жертва и враг, существование их становится осмысленным! Они принимают оплакивать первую и проклинать второго, подбрасывая поленья в костер своей ярости. Как будто им не согреться без этого костра!

– Так что скажете, господин лекарь? – Стражник угодливо заглядывал в глаза и пытался ухватить за рукав.

Венсан так зыркнул на него исподлобья, что тот мигом отдернул руку.

– Бонне! – позвал начальник охраны.

Венсан отошел от стражника, не испытывая ни капли жалости к трусливому здоровяку.

– Идите за мной, – распорядился Медведь. – Нужно выяснить, кто кричал.

Венсан едва успевал за размашистой походкой Пьера. Начальник охраны впечатывал каждый шаг в каменный пол, и плиты как будто проседали под ним.

Пространство перед комнатами графа было забито вооруженными солдатами.

– Кто кричал? – властно спросил Пьер, перекрывая гул.

– Ее милость, – подобострастно ответили ему.

Медведь обернулся, и лекарь успел заметить промелькнувшее на его лице выражение ужаса.

– Что с ней?!

Дверь распахнулась, и на пороге появилась Алиса де Вержи.

В первый миг Венсан испытал облегчение. Супруга графа, пусть и убитая горем, была жива и невредима.

Во второй миг он понял, что ошибся. Женщина не была убита горем. Тщетно лекарь выискивал на красивом лице следы отчаяния или скорби. Глаза Алисы были сухи, щеки пылали от возбуждения, рот кривился в уничижительной гримасе.

Не обращая внимания на склонившихся при ее появлении людей, Алиса быстро подошла к Пьеру Рю.

– Они ее упустили! – звенящим от ярости голосом сказала она.

И выкрикнула снова – так громко, что эхо заполошной чайкой заметалось среди стен:

– Они упустили девчонку!

Глава 9

В комнате Беатрис стояла влажная, густая духота – такая бывает на болоте жарким июльским днем. Воздух, насыщенный тяжелыми испарениями, казался липким, как прокисшее молоко. И пах он кислятиной, потом и еще чем-то неуловимо противным, чему Венсан никак не мог подобрать названия.

Он начал с того, что приказал потушить огонь в камине и вынести три из пяти жаровен. Нянька девочки с поджатыми губами неодобрительно следила за действиями слуг, которых отрядили в помощь лекарю. Но когда Венсан распахнул окно, она не выдержала:

– Да что ж это делается! Или вы и вторую голубку решили свести в могилу?

Венсан искоса взглянул на нее. Возмущенная Коринна была похожа куропатку, распушившую перья и отважно бросающуюся на незваного гостя.

Птенец, которого она так оберегала, спрятался в кресле за ее спиной, сжавшись в комочек. Беатрис не плакала, ничего не говорила, она только смотрела прямо перед собой блестящими глазами. Лекарь видел такой взгляд у больных лихорадкой.

А тут еще эти проклятые жаровни.

Открыв окно, Венсан подозвал молоденькую служанку и приказал укрыть Беатрис теплым одеялом. Служанка захлопотала около девочки, но та осталась неподвижна. Только гладкий выпуклый лоб прорезала крохотная морщинка – и сразу пропала.

– У нее кашель! – не унималась нянька. – Вы застудите ее насмерть! Хотите, чтобы их милости оплакивали сразу двух дочерей?!

Венсан про себя усмехнулся: судя по тому, что ему пришлось увидеть, вряд ли покойница дождется от отца и матери слез скорби.

– Вам, поди, и дела нет до гибели нашей любимой Элен! – взвилась Коринна, выведенная из себя его упорным молчанием. – Даже если все мы перемрем, как чумные коровы, месье Бонне и глазом не моргнет! Помяните мое слово – очень скоро смерть заберет еще кое-кого в Вержи.

– Если ты не уговонишься, я даже знаю, кто это будет, – заметил лекарь.

На некоторое время Коринна потеряла дар речи. В себя ее привели смешки слуг.

– Вы угрожаете мне, месье Бонне? – вкрадчиво начала она. – Что ж, должна сказать, я ничуть не удивлена. О вас ведь говорят всякое...

Смешки стихли. Венсан пожал плечами и отвернулся к столику, на котором уже были выставлены его пузырьки.

Но он знал, что нянька таращится ему в спину своими пронзительно-голубыми глазами. Это цвет речной воды, его любимый цвет, но отчего же ему так неприятно смотреть в них?

Ну же, милая, славная Коринна, скажи обо мне какую-нибудь гадость. Я затылком чую, что твой язычок уже раздвоился наподобие змеиного и в нетерпении касается кончиком изнанки губ.

– Вы прибыли из Каркассона, не так ли? – проворковала нянюшка. – Моя кузина живет там.

Венсан ощутил, что все превратилось в слух – все, кроме младшей дочери графа, которая, похоже, рассудком и душой находилась далеко отсюда.

Любопытство – физически ощутимое, вязкое, как грязь, – сгустилось вокруг него. С приторным равнодушием все ждали, что будет сказано дальше. В эту грязь, в благодарный жирный замес из любопытства, страха, жадности до чужих тайн, упоения от причастности к постыдным секретам – в эту грязь должно было упасть слово и прорасти вездесущими сорняками слухов. Выдирай их потом сколько влезет, выпалывай, пока не помутнеет в глазах, – все напрасно: они появятся снова, неистребимые, как гидра.

Коринна вскинула голову, наслаждаясь мигом своего триумфа.

Наконец-то ей удалось поставить высокомерного негодяя на место. Смотрите-ка, он мигот утратил всю свою самонадеянность: стоит к ней спиной, вжав голову в плечи. Должно быть, в этот миг зазнайка Бонне мысленно умоляет о снисхождении.

Но разве заслуживает жалости человек, привечавший мерзавку Николь Огюстен? Человек, покусившийся на благополучие ее дорогой Беатрис?

– О чем я говорила? Ах да, о моей родственнице! – Голос Коринны сочился патокой. – Она рассказывала об одном очень странном происшествии... Пару лет назад в Каркассоне скончалась девушка, дочка священника.

Коринна замолчала. Молчание, насыщенное невысказанными словами и намеками, молчание, заявлявшее слушателям: это только начало истории. Многообещающее, выразительное и гулкое, как звон колокола. В таком замирает толпа на площади за несколько ударов сердца до мига, когда палач выбьет бочку из-под ног приговоренного.

Молчание, предшествующее крику.

Лекарь медленно начал поворачиваться. Коринна успела представить болезненную гримасу на его лице. Начнет ли он лепетать оправдания? Или бросится на нее, подтверждая непроизнесенное обвинение? Ах, как славно было бы, если бы бросился... Поводов для пересудов хватит тогда на целый год, и все будет вертеться вокруг нее, нянюшки Коринны.

Лекарь наконец повернулся, и смелость женщины куда-то испарилась. Негодяй Бонне ухмылялся! Выглядел он на диво безмятежным, и только приглядевшись, можно было заметить в серых сощуренных глазах недобрые искорки.

Волчище, как есть волчище. Оборотень, втершийся в доверие к графу.

– И что же рассказывала твоя родственница? – осведомился Бонне. – Скажи, да погромче, чтобы все слышали.

Коринна, только что прочно стоявшая обеими ногами на земле, почувствовала, как незаметно для себя оказалась на тонком льду. Кузина лишь упоминала, что дочь священника пользовался лекарь, который спешно уехал вскоре после ее смерти. И никаких подтверждений его вины у няньки не было. Сказать начистоту, она рассчитывала, что Бонне сам загонит себя в ловушку, едва услышит о Каркассоне. А теперь выходит, что ловушка захлопнулась за ее спиной.

Коринна беспомощно обвела взглядом слуг и сделала попытку улыбнуться. Быть может, ей удастся перевести все в шутку, пока дело не зашло слишком далеко?

– Ах, месье Бонне, вы же знаете нас, женщин, – кокетливо хихикнула она. – Мы иной раз наговорим такого, что сами потом удивляемся.

«Ничегошеньки тебе не известно, глупая курица, – подумал Венсан. – И теперь ты не знаешь, как выкрутиться».

Он смотрел на рыхлую няньку, нервно облизывавшую губы, и перед его глазами вставали десятки таких же, как она. Подобный сорт баб всегда имеет за пазухой целую грудку камней. Окажись блудница в их власти, они бы забили ее еще до того, как Иисус закончил увещевать их. А после досталось бы и ему.

Венсан не испытывал ни злости, ни гнева. В юности он гневался так часто, что понемногу это чувство сточилось в нем, как стачивается нож от многократного применения. Затупившаяся ярость обернулась глухим раздражением. Со временем он научился укрощать и его.

Если что-то и могло поколебать его угрюмую безмятежность, это были не нападки Коринны.

Венсан не собирался протягивать руку помощи самодовольной дуре; он молчал, словно не слыша жалобного предложения о перемирии. Взгляды слуг из выжидательных стали насмешливыми. Определенно, Коринна проигрывала этот бой.

На ее счастье, Беатрис внезапно закашлялась.

– Ох, бедняжка! – вскрикнула нянька.

– Госпожа Беатрис!

Поднялась суматоха. Все мужчины, кроме лекаря, были изгнаны из комнаты, а женщины окружили Беатрис и излили на нее поток благих глупостей.

«Итак, они не поймали Птичку, – думал Венсан, размешивая лекарство. – Дюжина взрослых мужчин не смогла схватить молоденькую девушку».

Учитывая положение дел, радоваться было особенно нечему, а некоторые обстоятельства, выйдя наружу, могли погубить его самого. Но лекарь был благодарен провидению за спасение Николь Огюстен.

Он хорошенько проветрил комнату, распорядился перенести дочь графа в кровать и принес разведенный в теплой воде настой травы «львиный хвост». Сколько ни бились служанки, ни одной не удалось уговорить Беатрис выпить хотя бы глоток. Тогда лекарь сам сел рядом и с сожалением посмотрел на бледное личико с застывшим взглядом.

– Попробуйте, ваша милость, – негромко сказал он, протягивая кружку. – Вам станет легче.

Он не ожидал, что Беатрис отзовется. Но девочка вдруг заморгала, будто проснувшись, и перевела взгляд на лекаря.

– Она выпила весь бокал, – шепотом проговорила Беатрис. – Я видела!

Венсан оглянулся на служанок и горничную, застывших в почтительном отдалении. Бдительная Коринна сидела в кресле с другой стороны постели и не сводила глаз со своей питомицы, но девочка говорила так тихо, что вряд ли нянька могла что-то расслышать.

– Как это случилось? – тихо спросил он.

– Элен взяла со стола бокал. Она сильно волновалась и хотела успокоиться. Она сказала, что это средство ей поможет.

«В каком-то смысле так оно и вышло, – подумал Венсан. – Она действительно успокоилась».

Он понимал, что не должен расспрашивать девочку, но ему необходимо было кое-что выяснить.

– О чем это вы беседуете, моя радость? – встревожилась Коринна и сделала движение, будто собиралась встать.

– Кто налил в бокал лекарство? – быстро спросил Венсан, делая вид, что добавляет в питье еще несколько капель настоя. – Служанка?

– Николь? О, нет, месье Бонне! Элен не сказала мне, откуда оно у нее.

– Тогда почему вы уверены, что это не Николь?

Девочка широко раскрытыми глазами смотрела сквозь него, и Венсан чертыхнулся про себя: кажется, она снова впадает в забытие. К тому же к ним уже спешила Коринна.

Но удача сегодня была на его стороне: торопясь, нянька споткнулась и замешкалась, и Беатрис успела сказать:

– Николь никогда не смогла бы этого сделать.

И только тогда расплакалась.

Теперь лекарь был спокоен за нее. Слезы для горящего – то же, что кровопускание для больного: они приносят облегчение и покой.

Вволю наплакавшись, девочка уснула.

Дождавшись, пока смолкнут всхлипы и дыхание Беатрис станет ровным, Венсан встал.

– Следи, чтобы в комнате было прохладно, – распорядился он. – Поверь, я не хочу убить твою госпожу. Духота действует на нее пагубно. Когда она проснется, уговори ее выпить остатки лекарства, только перед этим взболтай его. Если она начнет плакать и плач перейдет в икоту, пусть пошлют за мной.

– Уж она непременно начнет, – голос Коринны дрогнул. – Они ведь так дружны были с Элен. Ох, бедное, бедное дитя!

Сдерживая слезы, Коринна прижала пухлую руку к губам, но горестное рыдание все равно прорвалось наружу. Нянька торопливо отошла от кровати, чтобы не разбудить девочку, и застыла у двери, зажимая ладонью рот.

Мучения ее были столь явственными, что в Венсане проснулось что-то вроде сочувствия.

– Тебе тоже нужно лекарство, – спокойно сказал он. – Я оставлю для тебя немного.

Но Коринна покачала головой:

– Ни за что, месье Бонне.

– Отчего же? Поверь, тебе станет легче.

Она вскинула подбородок:

– Я не желаю, чтобы мне становилось легче.

Знакомая история, подумал Венсан. Самобичевание! Разве не забавно, что за пределами монастыря оно встречается куда чаще, чем внутри...

Он пожал плечами:

– Тебе не в чем упрекать себя.

– Упрекать? – Коринна плотно сжала губы. – Я ни в чем не упрекаю себя, месье Бонне.

Венсан присмотрелся к ней. Страдание во взгляде няньки сменилось ожесточением.

Нет, он ошибся: здесь пахнет не покаянием за воображаемый грех, а чем-то другим.

– Тогда почему ты отказываешься от помощи?

Коринна вытерла слезы со щек.

– Не хочу потерять ни капли из того горя, что я пережила сегодня. Пусть оно остается со мной, пусть я буду помнить о нем постоянно. Тогда я смогу проклинать ее так сильно, как она того заслуживает.

– Кого?

Мягкие, расплывчатые черты заплаканного лица словно заострились. Пальцы Коринны непроизвольно сжались в кулаки, на побелевших костяшках натянулась кожа. Полные губы с отвращением выплюнули одно слово:

– Николь!

Венсан умолк, озадаченный силой ее чувств. Слезы Коринны высохли, будто влага, испарившаяся с горячей поверхности. Она стала страшна в эту минуту – опухшая, нелепая, но переполненная до краев своей ненавистью. Ненависть сочилась из ее глаз, и тяжелый запах, исходивший от ее рыхлого тела, был запах ненависти.

– Но послушай... – Он должен был хотя бы попытаться. – С чего ты взяла, что Птичка убила Элен?

– Не трудитесь защищать ее, месье Бонне. Меня вы не переубедите.

– Возможно, я хотел бы, чтобы ты переубедила меня.

Он подбавил в голос смирения – самую малость.

Это ее проняло. Коринна уставилась на лекаря. Голубые глазки под воспаленными веками буравили его, выискивая подвох.

– Я человек пришлый, – напомнил Венсан. – Как я смогу разобраться, если все молчат? Может, они только прикидываются осведомленными...

– Но только не я! – перебила Коринна. – Здесь не найти человека, который знал бы обо всем лучше меня.

На это он и рассчитывал. Одноглазая Бернадетта, без сомнения, могла бы рассказать ему куда больше, но разговорить умную старуху нелегко. Проще подцепить Коринну на крючок ее спеси. Никому мы не хотим понравиться так сильно, как людям, которые не нравятся нам самим. Коринна терпеть его не может с первого же дня появления в Вержи. Именно поэтому неприятная уловка может принести плоды.

Главное – не спугнуть ее.

– Николь казалась мне порядочной девушкой, – взвешивая слова, начал Венсан. – У нее строгий отец...

– Он ей не отец! – отрезала Коринна.

Венсан недоверчиво поднял брови, делая вид, что впервые слышит об этом.

– Ее подбросили ему! Ночью, тайком. А прежде ее испортила фея!

Удивление на лице Венсана стало неподдельным.

Коринна скрестила руки на груди. В ней боролись два желания: оставить всезнайку Бонне в неведении и доказать ему, что и она кое-что знает. Она торопилась как следует все обдумать, пока лекарь не ушел. Но быстро размышлять у Коринны всегда получалось плохо, мысли начинали спотыкаться друг об друга, она расстраивалась и окончательно переставала понимать, что нужно делать.

А лекарь уже стоит одной ногой на пороге. Если ее молчание продлится еще чуть-чуть, он потеряет терпение и уйдет в убеждении, что она всего лишь пустоболка.

Это перевесило чашу весов. Коринна подала знак, чтобы Бонне подождал, и отошла к кровати. Ничто не насторожило ее в ровном дыхании Беатрис. Вернувшись обратно, она с загадочным и строгим видом поманила Венсана за собой.

В маленькой комнатухе без окон нянька опустилась на стул и сложила руки на коленях. Ее важничанье выглядело смешным, но Венсан оставался серьезным и внимательным.

– Ты что-то сказала про фею.

– Началось все не с нее, местье Бонне, а со старшей сестры нашего Гастона Огюстена. Я ее никогда не видала. Знаю только, что она рано вышла замуж и поселилась с мужем в Лионе. Огюстен уверял, что она выучилась на белошвейку. Вот уж не думаю! Но муженек ее оборванец и негодяй, здесь и сомневаться не приходится.

– Ты его видела?

– Никто даже имени его не знает. А своими глазами его видели только Гастон да карaulьные, которые несли службу в тот ужасный день.

* * *

Оборванец прискакал поздней ночью. Вид его не вызывал доверия, и стража не пропустила чужака даже за первые ворота. Он не настаивал: спешил и расхаживал вокруг своего коня, посвистывая на все лады, пока не показался за спящий конюх.

Не тратя лишнего времени на приветствия, приезжий сразу объявил Гастону Огюстену, что сестра его внезапно скончалась от грудной немочи.

Новоявленный вдовец, сообщая эту скорбную весть, не пролил и слезинки. А вместо пояснений снял притороченную к седлу корзину и откинул грубое шерстяное покрывало.

В корзине, привязанный к днищу широкими лентами, спал младенец.

– Мне ребенок ни к чему! – с грубой прямоотой заявил мужчина. – Я человек вольный, перекасти-поле. Хотел сдать ее в приютский дом, да у них своих подкидышей больше, чем пивок в луже. А потом вспомнил про тебя. Франсуаза частенько рассказывала про своего любимого братца. Она ведь вырастила тебя вместо матери, так? Настало время возвращать должок, Гастон.

С этими словами ночной визитер вскочил на лошадь и поскакал прочь. Да так быстро, словно черти за ним гнались. Пусть после этого кто-нибудь скажет, будто он не знал, что младенца поцеловала фея!

Но не таков был Гастон Огюстен, чтобы подчиниться чужой воле. Да и зачем ему было оставлять у себя это отродье?

Вот почему старший конюх поместья Вержи спустя короткое время вылетел из замка на быстром жеребце, прихватив с собой младенца в корзинке.

Гастон потом рассказывал, что девчонка спала как убитая. Ни единого раза за ночь не проснулась и не заплакала, хотя конь несся во весь опор. Что это, спрашивается, как не чары? Лесная фея постаралась, усыпила ребеночка.

Конюх знал, что сделает, когда догонит муженька сестры: отдаст ему младенца, и пусть родной отец хоть в лесу на растерзание волкам оставляет свое дитя. Грех ляжет на папашу, а Гастон будет ни при чем.

От замка Вержи через лес вела единственная дорога. Свернуть с нее ближайшие десять лье некуда. Но сколько ни подгонял коня разгневанный Гастон Огюстен, его ночной гость как сквозь землю провалился.

Огюстены всегда слыли упрямыми. Гастон, вбив себе в голову, что вернет младенца родному отцу, скакал всю ночь. И лишь под утро, когда солнце осветило верхушки деревьев, а вдалеке из рассеивающегося тумана выплыла замшелая стена, конюх понял, что добрался до соседнего Божани.

Но и там никто не видел пришельца из самого Лиона. Он не появлялся в замке ни накануне, ни ночью.

Гастон растерялся, что случилось с ним нечасто. Вдобавок ребенок наконец проснулся и истошно заголосил от голода. Пришлось искать кормилицу и лишь затем выдвигаться в обратный путь.

Домой Огюстен возвращался куда медленнее, внимательно поглядывая по сторонам. Должно быть, муженек сестры решил заночевать в лесу, а Гастон в спешке проскочил мимо. Ничего, дайте только встретить его!

Он все ехал и ехал, но навстречу попадались лишь олени, белки и зайцы. Его терзало нехорошее подозрение, что оборванец перехитрил его, а старший конюх терпеть не мог оставаться в дураках. Неужели хитрец переждал в кустах, пока он проедет, и теперь празднует победу в каком-нибудь трактире?

И отчего эдакому проходимцу взбрело в башку проделать неблизкий путь, чтобы избавиться от ребенка? Подкинул бы его под первую же попавшуюся дверь, а то и утопил бы, как кутенка.

В этих размышлениях мрачный, как туча, Гастон возвращался домой. Но все мысли разом вылетели из его головы, когда он выехал из-под тенистого полога леса и увидел вдалеке башни родного замка.

Башни окутывал густой дым.

Черный дым поднимался над Вержи, и черные птицы кружились в небе, точно хлопья пепла. Потрясенный, Гастон прищипил коня. Когда они промчались через распахнутые ворота, глазам всадника открылась страшная картина.

Да, это была та самая ночь, когда банда Головореза добралась до замка Вержи. Прежде разбойники грабили деревни, нападали на путников. Грабителей в те времена водилось предостаточно, но Головорез заслужил свое прозвище тем, что в живых не оставлял никого: ни старика, ни младенца, ни домашнюю скотину.

Он не изменил своим правилам и в этот раз.

Гастон шел, переступая через обугленные тела. Конюх ни разу не наклонился проверить, не теплится ли жизнь в ком-нибудь из лежащих на земле. Головорез не оставлял свидетелей.

Да и не выжившие слуги интересовали Гастона. Он шел туда, где надеялся найти любимого хозяина.

И он его отыскал.

Симон де Вержи защищался отчаянно. Об этом говорила кровь, обогрившая каменные плиты вокруг того места, где он упал. Наметанным глазом человека, умеющего читать следы,

Гастон увидел, что убитых им врагов было много, не меньше пяти. Но все тела были унесены с места битвы.

Лишь одно осталось лежать – тело Симона. В жестокой схватке он лишился руки. Но, расправившись с графом, разбойники не осмелились глумиться над его телом. Они даже воздали последние почести павшему хозяину замка: меч и щит его лежали рядом, принесенные, быть может, той самой рукой, что нанесла смертельный удар.

Гастон опустился на колени возле своего владыки и зарыдал. Он предпочел бы умереть, сражаясь за хозяина, чем остаться в живых и держать сейчас на руках его безжизненное тело.

Но пока он оплакивал Симона де Вержи, во дворе закричал ребенок. И охрипшим граем отозвались с неба вороны.

Гастон поднялся, утирая слезы, и пошел к надрывавшемуся младенцу.

* * *

– Вот так она осталась при дядюшке. Поначалу-то он пристроил ее деревенской кормилице. Но девчонка, стоило ей чуток подрасти, стала проситься к Гастону. Она уже тогда начала петь, а ведь ей было не больше двух!

Последние слова Коринна произнесла с заметным осуждением.

Трижды Огюстен оставлял эту дрянь в деревне, и трижды она пешком приходила в замок. Последний побег случился осенью, в самую распутицу. Девчонка чуть не утонула по дороге в грязи – ее нашли барахтающейся в луже, как лягушку, с забитыми грязью ртом и ушами. Тогда уж конюх сдался и оставил ее у себя.

И кто-то еще смел утверждать, будто Гастон мог бы обращаться с сиротой и помягче! Таких злопыхателей нянька всегда ставила на место. Разве не должна дрянная Николь быть благодарной уже за то, что дядя сделал для нее? Любой другой на его месте бросил бы младенца в лесу.

Учитывая то, что случилось потом, ему так и нужно было сделать.

Вернувшись к себе, лекарь плеснул в кружку вина и уселся за стол.

Стол был дубовый, прочный и до того тяжелый, что Венсану не удалось бы сдвинуть его в одиночку. Он стоял основательно, будто вырос из этого каменного пола. И другая мебель – полки, кровать, узкий шкаф – казались принадлежащими этому древнему жилищу, а вовсе не человеку, который пользовался ими.

– Фея поцеловала, – презрительно фыркнул он.

Черт знает каким мусором забиты головы у этих людей. Иногда ему хотелось бы залезть кое-кому в череп и посмотреть, что там внутри.

Надо же поверить в чушь про ребенка сестры! Дураку ясно, Огюстен прижил младенца на стороне. Кто заставил его забрать дитя, теперь уж и не узнать, но, похоже, мать Николь была из тех женщин, которым ребятишки – только обуза в их тяжелой, но не слишком почетной работе.

Но кем бы она ни была, ее ребенок спас Гастону Огюстену жизнь. Говорят, люди Голово-реза в ту ночь всех истребили подчистую, даже древнюю слепую старуху не пощадили. Вырезали, как коров на забое.

Венсан отхлебнул вина и отставил бокал в сторону.

Когда год назад он появился в Вержи, управляющий выделил ему просторную чистую комнату в замке. Однако Венсан, обойдя крепость, обнаружил в стене старые жилища – неглубокие, но отлично защищенные и с прочными стенами. Их использовали как кладовки и склады. Одна такая нора пустовала.

Едва только войдя в сырую промозглую комнату, он понял, что хочет здесь остаться.

К его затее управляющий отнесся без воодушевления. К тому же он был весьма удивлен, что Венсан прибыл без ученика. «Надеюсь, месье Бонне, вскоре вы обзаведетесь помощником!» – ворчал он, и во взгляде его читалось неприкрытое огорчение. Как же – такой несолидный доктор будет подвизаться в Вержи!

Да только плевать хотел Венсан Бонне на его расстройство. В монастыре он сам прошел долгий путь: ученик, помощник и, наконец, лекарь с правом врачевать и продавать снадобья собственного изготовления. За это время он твердо решил, что будет работать один.

Впрочем, ему пока и не встретился юноша, который выказал бы достаточно рвения и ума, чтобы Венсан захотел взять его на обучение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.